

*Прошлое вернётся
вновь*

Екатерина

18+

Екатерина К

Прошлое вернется вновь

<https://litres.ru/74483058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетняя Лизи всегда считала, что знает о своей жизни всё, — пока не выяснила, что живёт не в родной семье. Спустя 12 лет в её жизнь внезапно врывается отец: он вырывает девушку из привычной среды и увозит в дом, где уже сложилась новая семья.

Здесь Лизи встречает Руслана — двадцатилетнего сына мачехи. Между ними вспыхивает чувство, которое обоим оказывается не под силу контролировать. В мире, полном боли и сомнений, им предстоит решить: смогут ли они построить будущее вместе — или обстоятельства окажутся сильнее любви?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Мое прошлое	10
Глава 2	89
Вечеринка	90
Глава 3	124
Больница	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Прошлое вернется вновь

Пролог

Подъезжая к дому спустя столько лет, я не знал, чего ожидать. Как она меня примет? Сможет ли понять, зачем я так поступил? Сердце билось неровно, а в голове роились сомнения.

Я остановился у маленького дома с небольшим садиком и невольно поддался воспоминаниям двенадцатилетней давности.

— Эдуард, Эдуард, ты не видел Лизи?

— Анна, душа моя, куда ты так торопишься? Мы всё успе-
ем. Лизи, у Марии на кухне, посмотри.

— Лизи, ну, где же ты, моя малышка? Мы опаздываем на праздник!

— Ева, найди Лизи и приведи её в порядок. Надень на неё то новое платье, которое я для неё купила.

— Конечно, Анна Александровна, я сейчас же её найду и приведу в порядок.

— Виктор! — произнёс он коротко и негромко.

Виктор тут же подошёл, почтительно поклонился и спросил, что ему угодно.

Эдуард задал вопрос, готова ли машина и подготовил ли

он подарок для Анны,
о котором просил.

— Да, Эдуард Алексеевич, машина готова. Борис ждёт вас снаружи. Подарок я уже отправил на праздник, там персонал всё подготовит и красиво украсит, — доложил дворецкий.

— Спасибо, Виктор. Ты, как всегда, меня выручаешь, — мягко улыбнулся Эдуард.

Он взволнованно перевёл взгляд на суетящийся персонал своего дома и на Анну, которая бегала и переживала за своё торжество. Сегодня отмечали успех её новой коллекции платьев, созданных итальянским кутюрье *Gallo Barbieri*.

Наконец, спустя час, все были готовы. Анна стояла на крыльце нашего дома в шикарном платье, созданном специально для неё. Наряд был длинным, красным и ярко переливался в отблесках света. У платья был высокий разрез до бедра, аккуратные ляпочки на плечах и шикарно выделенное декольте, от которого я не мог отвести взгляд.

«Какая же шикарная у меня жена», — думал я, глядя на неё. В этот момент я отчётливо понимал: я точно выиграл счастливый билет в этой жизни.

Я подошёл к ней, взял её за руку и мягко поцеловал ладонь.

— Любовь моя, ты прекрасна, как всегда. Я до сих пор задаюсь вопросом: как мне могло так повезти с такой женой, как ты?

Анна мило улыбнулась и покраснела. Я потянулся, чтобы

поцеловать её в губы, и в этот момент из нашего дома с громким смехом выбежала Лизи, случайно ударив меня дверью.

— Папа! Папа! Смотри, какая я красивая! — прокричала она.

Не ожидавший *«прилёта»* двери в плечо, я перевёл взгляд на свою малышку Лизи и рассмеялся, задорно подхватывая её на руки.

— Моя принцесса, ты самая красивая у меня!

На Лизи было пышное белое платье с бабочками на рукавах, маленькие белые туфельки с бантиком на носочках и две длинные косички, аккуратно заплетённые по бокам.

Наша машина уже ждала нас у крыльца. Мы направились к автомобилю, и, спускаясь по ступенькам, я услышал звонок своего телефона.

— Алло, я вас слушаю.

В трубке повисло молчание. Я повторил:

— Алло? Вас не слышно.

Вдруг с конца линии раздался грубый, прокуренный голос:

— Это твой последний день, Эдуард.

Послышались короткие гудки: пи-пи-пи.

Я убрал телефон от уха и в ярости сжал его в руке. Кто это мог быть? Я позвонил к себе нашего охранника, быстро продиктовал ему номер и приказал:

— Срочно проверить. Узнать, кто это, и чтобы из-под земли его достали. Этого урода — немедленно ко мне!

Я быстро подошёл к машине и сел на переднее сиденье. Тем временем моя жена и дочь уже устраивались на заднем. Лизи, пристёгнутая в своём детском автокресле, с любопытством перебирала игрушки в сумочке. Анна, взволнованная, разговаривала

по телефону с управляющим ресторана, сообщая, что мы уже едем, и чтобы гостей начинали принимать.

Мы медленно выехали со двора нашего большого дома и двинулись в путь.

Договорив по телефону, Анна убрала его, повернулась к Лизи и ласково ей улыбнулась. Затем она достала из сумки маленькую коробочку и надела на шею дочери изящный кулон в виде сердечка, внутри которого была их семейная фотография.

— Держи, милая. Это тебе подарок от меня.

— Ух ты, мамочка, какой он красивый! — воскликнула Лизи и потянулась к ней своими маленькими ручонками.

Мама обняла её так крепко, что в её объятиях было так тепло и уютно, что девочка не хотела её отпускать.

Обняв Лизи, Анна повернулась к Эдуарду. Сидя в машине, она заметила, что он разговаривал по телефону, после чего стал очень сердитым. Анна мягко потянулась и дотронулась до его руки:

— Что-то случилось, милый?

Эдуард повернулся к ней. Его лицо было суровым, но,

взглянув на жену, он немного смягчился и сказал:

— Всё хорошо, душа моя. Не о чем беспокоиться.

Я посмотрел на часы — было восемь вечера.

— Борис, сколько нам ещё осталось? — спросил я.

— Десять минут, сэр, — ответил он.

Я повернулся к девочкам и сказал:

— Ну вот, мы уже скоро приедем. Ты готова сиять, душа моя? Сегодня такой важный для тебя день.

Анна отвернулась к окну, её взгляд замер. Мы пересекали перекрёсток. В этот момент всё происходило как в замедленной съёмке: на нас неслась фура с левой стороны, где сидела Анна.

Анна закричала. Фура всей массой ударила в нашу машину. Автомобиль отбросило, он трижды перевернулся.

Последнее, что я видел это как к нашей машине бежали люди.

Голоса из прошлого звучали так отчётливо, словно время повернуло вспять.

Но я открыл глаза и снова увидел перед собой этот маленький домик, в котором была она последнее, что осталось от моей любимой Анны, моя дочь Лизи.

Глава 1

Мое прошлое

Пока живёшь сегодняшним днём, невозможно предугадать, когда к тебе в дверь постучится прошлое, стёртое из памяти.

Екатерина К

Эдуард

Я вышел из машины и направился к дому, машинально закулив сигарету. Дым шёл неровно — так же прерывисто, как и моё дыхание. Двенадцать лет... Двенадцать долгих лет я не видел её. Всё это время образ маленькой девочки с косичками и смеющимися глазами жил где-то глубоко внутри — словно застывший кадр из старого фильма. Переступив порог дома, я на мгновение замер, оглядываясь.

Где-то наверху скрипнула половица. Я поднял голову и услышал лёгкие шаги на лестнице. Со второго этажа спустилась девушка.

Когда я её увидел, сердце невольно сжалось — так сильно, что на миг перехватило дыхание. Она так быстро выросла...

Моя маленькая девочка, которую я в последний раз держал на руках, когда она была совсем крошкой, теперь стояла передо мной — юная, незнакомая и в то же время до боли родная.

В ней удивительным образом уживались детская непосредственность и едва заметные черты пробуждающейся женственности. В движениях ещё проскальзывала прежняя беззаботность — она чуть покачивала головой, отбрасывая прядь волос, — но в осанке появилась какая-то особая грация. Не нарочитая, не выученная, а естественная, словно она только учится осознавать силу своей привлекательности и пока сама этому удивляется.

Она не высокая, но в её фигуре уже оформились плавные, изящные линии — не резкие, не угловатые, а мягкие, гармоничные. И всё же в этих очертаниях сохранилась трогательная хрупкость, что так напоминает мне о её детстве: о тех днях, когда она забиралась ко мне на колени и просила рассказать сказку.

А эти волосы... Тёмно-шоколадные, густые, блестящие — они словно живая волна, тяжёлым каскадом спускаются ниже лопаток. Я невольно вспомнил, какими тонкими и светлыми они были, когда она была малышкой, — теперь же они стали такими густыми и тёмными, что казалось, будто сама природа решила подчеркнуть её взросление.

Лицо у неё удивительно гармоничное: черты мягкие, правильные, без резких линий — ни следа той детской округло-

сти, но и без жёсткости, которая иногда появляется с возрастом. И на этом фоне особенно выделяются глаза — огромные, пронзительно-голубые. Они такие яркие, что кажется, будто кто-то специально нарисовал их на белоснежной коже — настолько контрастно и выразительно это выглядит. В них читалась смесь любопытства и осторожности, словно она тоже пыталась прочесть что-то во мне.

Губы у Лизи полные, чётко очерченные — в них есть что-то от взрослой чувственности, но при этом в улыбке всё ещё угадывается та самая детская непосредственность, которую я так хорошо помнил. А ресницы... Длинные, пушистые — они отбрасывают едва заметную тень на щёки, подчёркивая глубину взгляда. И всё это без всякой косметики — природа одарила её щедро, не оставив шанса остаться незамеченной.

Я стоял и смотрел на неё, а в груди что-то сжималось — смесь гордости, нежности и острой, щемящей тоски по тем годам, которые мы провели врозь. Как много я пропустил... Первые шаги, первые слова, первые слёзы, первые радости — всё это прошло мимо меня, и теперь передо мной стояла уже не малышка, а почти взрослая девушка, в которой я всё же узнавал ту самую Лизи.

— Пойдём, Лизи, — произнёс я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

Лизи

Передо мной стоял мужчина лет сорока, высокий, крепкий у него широкие плечи и уверенная осанка, которая сразу привлекает внимание. Лицо строгое, с резкими чертами: прямой нос, плотно сжатые губы, волевой подбородок, а через весь левый глаз тянулся шрам. Волосы коротко подстрижены, возможно, уже тронуты сединой, что подчёркивает его возраст и жизненный опыт. Движения точные, уверенные, без лишней суеты. Одет он был в классический костюм цвета шоколада. В правой руке мужчина держал сигарету, с которой пепел медленно падал на пол.

— Пора домой, Лизи, — снова повторил он.

Я стояла, внимательно разглядывая незнакомца. Его лицо казалось мне чужим, но в то же время знакомым, будто я уже встречала его раньше, но почему-то забыла об этом. В голове роились сотни вопросов: зачем он пришёл? Почему зовёт меня домой? Я ведь и так дома. Кто он такой? Откуда знает моё имя? От этих мыслей стало душно, закружилась голова. Я потянулась к кувшину — руки тряслись, вода лилась через край, едва попадая в стакан. Я сделала глоток, потом ещё и ещё; вода стекала по моим губам и рукам. Собравшись с силами, я поставила стакан и посмотрела на человека, стоявшего передо мной.

— Кто вы такой?

— Я твой отец, Лизи.

Мой отец?.. Но как это понимать? Мой отец сейчас на работе... — Вы не мой отец, — ответила я громко и строго, при-

щури́в глаза.

Мужчина зата́нулся сигаретой, выпустил дым перед собой, проследи́л за его клубами и медленно опу́стил на меня взгляд.

— Меня зовут Эдуард Строгов, и я твой родной отец.

Я стояла в полном замешательстве, сердце колотилось где-то в горле, а мысли путались, не желая складываться в цельную картину.

— Иди, собирай вещи, мы едем домой, дочь моя, — прозвучал твёрдый, не терпящий возражений голос.

Я бросилась наверх, едва ли осознавая, что делаю. В груди разрасталась паника — руки дрожали, дыхание сбивалось. Не останавливаясь ни на секунду, я начала звонить родителям: один звонок, второй, третий... Но никто из них не брал трубку. Тишина на том конце провода казалась оглушительной, почти осязаемой.

Мужчина поднялся за мной, бесшумно вошёл в комнату и остановился в дверном проёме. Его голос прозвучал ровно, без тени эмоций:

— Они не ответят. У них договор. Они больше не имеют права с тобой контактировать.

Я замерла, телефон выскользнул из дрожащих рук и глухо ударился о пол. Слова мужчины эхом отдавались в голове, не укладываясь в сознании. Договор? Не имеют права контактировать? Это звучало как абсурд, как дурной сон, от которого хотелось проснуться немедленно.

— Что... что за договор? — голос сорвался на шёпот, едва различимый даже для меня самой.

Мужчина сделал шаг вперёд, но не приблизился вплотную — словно давал мне пространство осознать неизбежное. Его лицо оставалось бесстрастным, будто высеченным из камня.

— Ты уже взрослая, — произнёс он ровным тоном. — Пора узнать правду. Твои приемные родители подписали соглашение, когда ты была совсем маленькой.

Они согласились приютить тебя в обмен на... определённые гарантии.

Внутри всё оборвалось. Мир сузился до узкой полоски света под дверью, до тиканья старых часов на стене, до холодного взгляда человека, который, похоже, знал обо мне больше, чем я сама.

— Зачем? — выдохнула я. — Зачем они так поступили?

Он слегка склонил голову, будто взвешивая, стоит ли говорить дальше. Затем ответил — коротко, безжалостно:

— Потому что им заплатили. Очень много заплатили.

Воздух будто сгустился, стал тяжёлым и колючим. Я схватилась за край стола, чтобы не упасть. В голове крутились обрывки воспоминаний: редкие визиты, натянутые улыбки, неловкие объятия. Всё это теперь обретало новый, страшный смысл.

— И кто... кто заплатил? — губы едва слушались.

Мужчина помолчал, затем произнёс — тихо, но отчётливо:

— Я.

Мир вокруг меня рухнул в одно мгновение — будто земля ушла из-под ног, а воздух стал слишком густым, чтобы дышать. В голове билась одна мысль: меня... продали. Продали, как вещь, без права выбора, без шанса что-то изменить.

Спустя какое-то время, всё ещё в полном замешательстве, я машинально начала собирать вещи. Движения были механическими, будто выполняла их не я, а кто-то другой. Пальцы дрожали, когда я складывала одежду в сумку, взгляд скользил по знакомым предметам — книгам, фотографиям, безделушкам — и всё это вдруг стало чужим, будто принадлежало какой-то другой жизни, которой больше нет.

Я — дочь Эдуарда Строгова. Мысли метались в голове, я не могла поверить в происходящее. Почему мне не сказали раньше? Почему сейчас ставят перед фактом, что у меня другой отец, что я должна уехать из дома, в котором провела всё своё детство, покинуть людей, которых считала родителями? Получается, они мне не родные? Как он смеет решать за меня и вот так вырывать из моей собственной жизни? Я уже в сотый раз набирала номер своего папы, с которым жила все эти годы.

— Вот чёрт, не берёт... — прошептала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от обиды и злости. — Да как они все смеют так со мной поступать?

Я упала на кровать, слёзы душили меня. Уткнувшись лицом в подушку, я пыталась заглушить рыдания.

Вдруг раздался телефонный звонок.

Я взяла трубку.

— Алло? — дрожащим от слёз голосом я ответила.

— Лизи, ты плачешь? — раздался встревоженный голос Ксюши.

— Нет, всё в порядке, просто в глаз что-то попало, — попыталась соврать я.

— Точно?

— На самом деле... всё совсем не в порядке. Моя жизнь буквально переворачивается с ног на голову. Это долгая история. Давай встретимся чуть позже за кофе, и я тебе всё расскажу.

— Как скажешь, Лиз. Буду ждать встречи.

— Пока.

Я бросила телефон и в ярости смахнула всё, что лежало на столе. Затем села за туалетный столик и посмотрела в зеркало: на меня смотрела заплаканная девочка с красными глазами и растрёпанными волосами.

— Ну уж нет, — подумала я. — Если вы портите мою жизнь, то будете играть по моим правилам.

Я взяла расчёску и аккуратно расчесала свои длинные, шелковистые чёрные как ночь волосы. Со столика взяла сухую салфетку, промокнула глаза, стирая следы слёз. Нанесла макияж: любимую помаду цвета горького шоколада, острые стрелки на глазах, густо прокрасила ресницы тушью. Посмотрела на себя в зеркало.

— Вот теперь я себе нравлюсь, — произнесла я вслух. — Мы ещё посмотрим, кто кому жизнь ломает.

Я открыла шкаф и начала выбирать, что надеть. Остановилась на чёрных кожаных штанах, белом топе и белых кроссовках, а сверху накинула чёрную рубашку. После этого продолжила собирать вещи.

Спустя полтора часа сборов я стояла на пороге своего, теперь уже бывшего, дома и смотрела, как грузчики выносят мои вещи и загружают их в машину. В душе смешались грусть и обида на тех, кто все эти годы растил меня и отдавал свою любовь.

Сквозь шум мотора и голоса людей, таскающих мои вещи, я слышала, как Эдуард — мой так называемый «папочка» — говорит по телефону:

— Грузим уже вещи. Да, нет, всё нормально. Дом целый, она его не разнесла, не переживай, Глеб. Если что, убытки я бы возместил... — он тихо посмеялся. — Ха-ха.

Я поняла, что Глеб — мой приёмный отец. Подбежав к Эдуарду, я вырвала у него телефон.

— Папа, папа! Как ты мог так со мной поступить? Я тебя люблю, а ты просто разрушил мою жизнь! Отдаёшь меня совершенно незнакомому человеку... — захлёбываясь слезами, кричала я в трубку.

С той стороны раздался грубый голос:

— Лизи, замолчи.

Я застыла в ступоре. Никогда ещё не слышала такого от

своего, пусть и приёмого, но отца, который меня растил. Я поняла: помощи и объяснений ждать не стоит.

Яростно взглянув на Эдуарда, я со всей силы швырнула его телефон об асфальт и принялась топтать его ногой.

— Вы испортили мне жизнь! Забрали у меня дом, родителей, моё счастье!

Жили бы дальше и не вспоминали обо мне — мне и без вас отлично было! — кричала я, продолжая рыдать и топтать телефон.

— Прости меня, Лизи... — тихо произнёс он. — Ты для меня — вся моя жизнь. Прости, что поступил так с тобой. Я обещаю исправить все ошибки и расскажу тебе всё о себе и о нашей семье, которую, к сожалению, уже не смогу воссоздать такой, какой она была раньше.

Я смотрела на него, слушая его печальный голос. Перестав топтать телефон, я сказала:

— Я жду историю. Почему я оказалась в другой семье? — произнесла я, вытирая сопли и слёзы рукавом рубашки.

Эдуард произнёс:

— Давай, пожалуйста, сядем в машину и поедem домой.

Лизи, кивнула и направилась к машине. Я открыл ей дверь. Она прошла мимо меня и села с другой стороны. Я улыбнулся этому детскому жесту.

Всё-таки я не знал, какой она стала за эти двенадцать лет.

Я обошёл автомобиль и устроился за рулём. Rolls-Royce Phantom мягко отозвался на прикосновение, я положил руки

на руль, завёл машину, и мы поехали. Следом за нами тронулся фургон с вещами Лизи.

Я опустилась на заднее сиденье с правой стороны и только теперь по-настоящему ощутила, в каком роскошном автомобиле оказалась. Просторный салон встретил меня обволакивающим уютом: сиденья — огромные, невероятно мягкие, с безупречной поддержкой — были обиты натуральной кожей высшего качества, гладкой и прохладной на ощупь. Каждая деталь интерьера говорила о ручной работе и внимании к мелочам: панели из благородного дерева, полированный металл, изящные вставки из углепластика и алюминия — всё выполнено без единого дефекта, словно произведение искусства.

Мягкое, рассеянное освещение создавало атмосферу уюта и приватности,

а встроенные светодиодные ленты позволяли менять цвет и интенсивность света

по настроению. Передо мной располагались индивидуальные экраны для пассажиров, а управление климатом и мультимедиа осуществлялось с помощью элегантного планшета и сенсорных панелей. Встроенный холодильник для напитков, хрустальные бокалы для шампанского и даже мини-бар превращали поездку в настоящий ритуал комфорта.

В салоне царила абсолютная тишина, даже когда автомобиль набирал скорость: двойные стёкла и специальные материалы обшивки надёжно изолировали от внешнего мира.

Пространства было столько, что ноги можно было вытянуть во всю длину, а широкие задние двери открывались плавно и бесшумно, позволяя сесть с максимальным достоинством и удобством. В этом автомобиле я почувствовала себя не просто пассажиром, а настоящей героиней собственной истории.

Всю дорогу мы ехали в тишине. Я смотрела в окно, наблюдая, как за стеклом проносится городской пейзаж, сменяясь всё более редкими постройками. Взглянув на часы, я с досадой отметила, что уже половина четвёртого. М-да... Тишина начинала давить, и я решила её нарушить.

— А долго нам ещё ехать? — спросила я, повернувшись к Эдуарду *«папочке»*.

— Приблизительно ещё час, — спокойно ответил он, не отрывая взгляда от дороги.

— А где вы живёте? — уточнила я, пытаясь представить себе место, куда мы направляемся.

— В пригороде, — коротко бросил он.

Я снова уставилась на приборную панель роскошного автомобиля. В голове роились десятки вопросов. Что это за дом? Кто этот человек на самом деле? И почему он приехал один?

— Расскажите о моей маме... Почему вы приехали один? — осторожно спросила я.

В салоне повисло тягостное молчание. Я почувствовала укол обиды. *«Что я не так спросила?»* И тут память услуж-

ливо подбросила его недавние слова: *«К сожалению, я не смогу воссоздать её такой, какой она была».*

И я произнесла вслух то, что уже начинала понимать:
— Она умерла, да?

Эдуард сильнее сжал руль побелевшими пальцами. Его лицо на мгновение исказилось от боли, но он быстро взял себя в руки. Он глубоко вздохнул и начал свой рассказ:

— Тебе было всего четыре года, когда мы попали в аварию. В тот день у твоей мамы был большой праздник — торжественное открытие её новой итальянской коллекции. Анна была не просто моделью, она была невероятно красивой и доброй девушкой. Но главное — она обожала тебя.

Я никогда не забуду тот день... Перед самым выездом мне поступил звонок. Голос в трубке был холодным и безжизненным: *«Эдуард, это твой последний день».*

Связь оборвалась. Я был взбешён и растерян, но времени на раздумья не оставалось. Мы спешили на праздник.

А потом был перекрёсток и ослепительный свет фар фуры... Последнее, что

я помню перед ударом — это то, как я повернулся к ней и сказал: *«Ты готова сиять, душа моя?».*

Очнулся я уже в больнице. Лицо было туго перебинтовано — осколок стекла попал прямо в глаз. Болело всё тело: пара сломанных костей, глубокие порезы от стекла... Но всё это казалось мелочью по сравнению с тем ужасом, который меня ждал. Первое, о чём я спросил врача: *«Где моя жена и дочь?»*

Что с ними?».

Доктор долго молчал, подбирая слова, а потом тихо произнёс: *«Примите мои соболезнования. В той аварии Анна погибла. А ваша дочь получила травмы: сотрясение мозга и перелом ноги. Ваша жена закрыла её собой».*

После этого моя жизнь изменилась навсегда. Я инсценировал собственную смерть и сменил имя. Мне нужно было найти тех, кто стоял за этим звонком и аварией. Я нашёл своих врагов — тех наёмников, кто желал мне смерти — и со всеми разобрался. Тебя же я отдал в другую семью на время, пока решал свои проблемы. Я заключил с ними контракт: ты будешь жить и воспитываться ими до того момента, пока я не смогу вернуться за тобой. И вот этот день настал. Теперь ты будешь жить со мной. Я забрал тебя домой, но к сожалению, я пропустил половину твоей жизни, и вернуть прошлое уже невозможно. Но я очень надеюсь, что теперь у нас получится построить совместное счастливое будущее.

Я посмотрела на свои руки — покрытые мелкими шрамами — и дотронулась до левой ноги, неизменно ноющей перед непогодой, до меня наконец дошло: теперь я хоть немного понимаю, откуда всё это.

— О счастливом будущем можете пока не надеяться, — отрезала я, глядя на него в упор. — Я вас впервые в жизни вижу. И то, что вы мой родной отец, как вы утверждаете, ещё надо доказать. Я вас совсем не помню. И про аварию тоже. Мои... псевдо-родители рассказывали мне другое: что

я сломала ногу, когда училась ездить на велосипеде.

— Они оберегали тебя от моих проблем и растили без всех тех сложностей, которые меня окружали, — спокойно ответил он. — Спасибо Глебу и Софи за это.

— И ещё я хочу рассказать про нашу теперь уже общую семью, — продолжил

он после паузы. — Пять лет назад я заново женился. Моя жена — Майя Строгова.

Может, слышала о ней?

— Да-да, Майя Строгова, символ женской моды, — закартила я глаза. — Кто же о ней не слышал.

— Также с нами живут её два сына от первого брака — Роберт и Руслан — и наш общий сын Артём.

Я посмотрела на него с презрением и ответила:

— Надеюсь, у меня будет отдельная комната, где я не буду с ними пересекаться.

Я взглянул на неё через зеркало заднего вида. Реакция была ожидаемой. Ну что я мог поделать?

Оставшийся путь мы ехали в тишине.

Высотки зданий уже давно перестали появляться за окном, и вместо них открылись рассеянные по местности богатые домики. Я невольно присвистнула.

Мы подъезжали к самому большому дому в этом районе, как мне показалось. Машина остановилась перед массивными воротами, которые стали медленно открываться. Взору

сразу приглянулся двор.

Он представлял собой тщательно спланированный ландшафтный парк. Центральное место занимал фонтан: чаша из белого мрамора, по которой стекала прозрачная вода, создавая приятный шум и прохладу. В центре фонтана возвышалась статуя ангела из светлого камня с расправленными крыльями и умиротворённым выражением лица. В солнечную погоду капли воды переливались на свету, а вечером статуя подсвечивалась мягким светом, создавая атмосферу уюта и загадочности.

Вокруг фонтана располагались беседки из натурального дерева и кованого металла, увитые плющом и плетистыми розами. Внутри стояли удобные диваны и столики — идеальное место для отдыха или встречи с друзьями. По периметру двора были высажены декоративные деревья: японские клёны, кипарисы, магнолии, а также цветущие кустарники — гортензии, сирень, жасмин.

Цветочные клумбы были разбиты с учётом сезонности: весной здесь цвели тюльпаны и нарциссы, летом — розы, пионы, лилии, а осенью — астры и хризантемы. Дорожки вымощены натуральным камнем, между которыми пробивался аккуратный газон.

Вся территория двора была продумана до мелочей: здесь нашлось место для уединённых прогулок, зон отдыха и приёма гостей, а также уютных уголков для чтения или размышлений. Атмосфера этого пространства располагала к гармо-

нии, вдохновляла и подчёркивала безупречный вкус хозяина дома.

— Ахренеть, — сказала я вслух. — То есть... Прошу меня простить. Вот это домик! А вы точно уверены, что я ваша дочь и действительно ли хотите, чтобы я тут жила?

— Лизи, это твой дом. Ты тут родилась и росла.

— Хотите сказать, что я типа пропавшая принцесса? — я не удержалась

от иронии. — Я никогда не жила в такой роскоши. Если это дом, в котором я росла, значит, тут есть и моя старая комната?

— Есть. Но ты можешь сама выбрать себе комнату из тех, что пустуют.

Я попрошу Аглаю тебе их показать.

— Кто такая Аглая?

— Это наша горничная.

— Горничная? Ну да, как в таком-то доме не может быть вспомогательного персонала...

Машина Эдуард остановилась прямо возле крыльца дома, на котором нас уже ожидал его персонал. Я вышла из автомобиля, и к нам подошёл мужчина лет сорока пяти — воплощение достоинства и сдержанности. Его внешность полностью соответствовала образу идеального дворецкого: он был безупречно одет в строгий тёмный костюм, белоснежную рубашку и галстук, а обувь начищена до блеска. Волосы у него были тёмные, с благородной проседью на висках, аккуратно

зачёсаны назад. Лицо гладко выбрито, черты правильные, но не запоминающиеся — он словно был создан для того, чтобы быть незаметным.

Взгляд внимательный и спокойный, в нём читались опыт и проницательность. Мanners его были безупречны: движения плавные и выверенные, голос тихий, но отчётливый.

— Добрый день, — сказал Виктор.

— Рад снова видеть вас спустя столько лет. С возвращением домой, Лизи.

— Познакомься, это Виктор, наш дворецкий, — сказал Эдуард.

Я медленно протянула Виктору руку. Он посмотрел на меня и, улыбнувшись, протянул руку в ответ.

— Не могу ответить вам взаимностью... Сказала я.

— Виктор, — ответил он. — Можете называть меня просто Виктор.

Я улыбнулась и сказала:

— Спасибо, Виктор.

Виктор распорядился, чтобы обслуживающий персонал разобрал мои вещи.

Эдуард закурил сигарету и сказал, обращаясь к Виктору:

— Распорядитесь, пожалуйста, чтобы Лизи полностью разместили, познакомили

с домом и всем её персоналом. Не отказывать ей ни в едином вопросе и просьбе.

— Будет сделано, сэр, — ответил Виктор и коротко по-

клонился.

В этот момент из дома вышла женщина, отличающаяся аккуратностью, тактом и внутренней собранностью. Внешне она производила впечатление человека, для которого порядок и гармония — не только профессиональные обязанности, но и жизненный принцип.

У неё были мягкие черты лица и внимательный, доброжелательный взгляд, который сразу располагал к доверию. Волосы были убраны в строгую причёску, что подчёркивало её опрятность. Она была одета в безупречно чистую и выглаженную униформу горничной, которая сидела на ней идеально. Её движения были плавными и уверенными, без лишней суеты. Голос тихий, но отчётливый, речь грамотная и вежливая.

Я догадалась, что это была Аглая.

Здравствуйте, — поприветствовала я её.

Здравствуйте, Елизавета Эдуардовна, я — Аглая, — сказала она.

Я догадалась, кто вы, — резко ответила я. — *а при упоминании отчества меня буквально передёрнуло.*

— Пойдём со мной, я покажу тебе тут всё.

Я посмотрела на Эдуард, он мне кивнул, и я отправилась следом за горничной.

Аглая начала рассказ:

Дом Эдуарда Строгова — это воплощение элегантности и современного комфорта. Он построен в классическом стиле

с элементами неоклассики: фасад украшен колоннами, лепниной и большими панорамными окнами, из которых открывается вид на ухоженный двор. Входная группа оформлена массивной деревянной дверью с коваными деталями, а над крыльцом — изящный козырек на резных опорах.

Внутреннее пространство дома отличается высокими потолками, просторными залами и обилием света. В интерьере преобладают натуральные материалы: мрамор, дерево, стекло. Мебель подобрана со вкусом — лаконичная, но дорогая, с акцентом на удобство и стиль. На стенах — картины современных художников, а в холле — эффектная люстра, подчёркивающая статус владельца.

Я смотрела на всё это, широко открыв рот.

«Куда я попала? Может, я ещё сплю?» — незаметно ущипнула себя за руку.

Аглая продолжила:

— Все комнаты хозяев расположены на втором этаже. Я покажу тебе несколько,

а ты выберешь, какая для тебя удобней всего.

Я перевела взгляд на Аглаю и сказала:

— Покажите мне самую дальнюю комнату.

Она протянула руку в сторону лестницы, пропуская меня вперёд.

Я поднималась по лестнице, всё ещё восхищаясь масштабами и красотой дома.

На стене висела картина — это было полотно «Тосканские

сумерки», написанное знаменитым итальянским художником Лоренцо Беллини в конце XIX века.

На холсте, потемневшем от времени, был запечатлён умиротворяющий тосканский пейзаж. В лучах заходящего солнца, окрашивающего небо в нежно-розовые и золотистые тона, раскинулись пологие холмы, покрытые стройными рядами кипарисов. Вдалеке виднелись черепичные крыши старинной деревушки, утопающей в зелени виноградников и оливковых рощ. Узкая извилистая дорога вела к небольшой часовне, стоящей на вершине холма. Художнику удалось с невероятной точностью передать игру света и тени, а также ту неповторимую тишину и гармонию, которые свойственны только итальянской провинции.

Картина была не просто украшением интерьера — она была порталом в другой мир, напоминанием о вечной красоте и спокойствии, которые можно найти в простых пейзажах.

— Картина была приобретена на престижном аукционе в Лондоне, и её история окутывает комнату особой атмосферой. Твой отец выкупил её на аукционе Ричарда Тора, — проговорила Аглая.

— Значит, папочка коллекционер антиквариата?

— Можно и так сказать, — ответила Аглая.

Мы поднялись на второй этаж.

— Нам в левое крыло, пожалуйста, — произнесла Аглая.

Я шла медленно, внимательно рассматривая изысканный декор второго этажа. Вдоль стен тянулись изящные карнизы,

на которых местами виднелась позолота, а высокие окна были задрапированы тяжёлыми шторами благородных оттенков. На стенах висели старинные картины в массивных рамах, а под ногами мягко пружинил дорогой паркет, отражая свет массивной люстры, свисающей с потолка. Атмосфера была наполнена ощущением величия и уюта одновременно.

Какой же всё-таки был огромный дом! Пространство казалось бесконечным: коридоры сменялись анфиладами, а за каждым поворотом открывались новые залы и переходы. Я невольно сравнивала этот особняк с дворцом из старых романов — столько деталей, столько истории в каждом предмете интерьера.

Мы пришли к самой последней комнате в этом доме. По пути я успела заметить множество дверей, ведущих в разные стороны, но меня не особо интересовало, что за ними скрывается. Всё моё внимание было приковано к той, к которой мы направлялись. Однако сейчас, когда мы остановились, я обратила внимание: дверь в комнату, которую она открыла, была прямо напротив другой двери. Это показалось мне странным и даже символичным. Я не удержалась и спросила:

— А что находится за той, второй дверью?

— Библиотека, — ответила мне Аглая. — Можешь посещать её в любое время. Все книги в твоём распоряжении.

«Отлично», — подумала я. *Уединённый уголок. Наверядли в этом доме кто-либо увлекается литературой. Скорее,*

библиотека тут для красоты.

Я оглянулась на Аглаю, которая вошла в комнату, и последовала за ней.

Войдя в комнату, я невольно подумала: *«Вот чёрт! Она же больше моего дома, в котором я жила».*

— Я медленно обвела взглядом комнату мой взгляд первым делом упал на кровать в центре комнаты. Широкая, с мягким изголовьем, она манила прилечь прямо сейчас — утонуть в подушках и укрыться лёгким покрывалом. *«Как же здесь уютно, — подумала я. — Можно будет читать допоздна: вот же торшер рядом, и тумбочка, куда поставить чашку с какао...»*

Я подошла к окну и слегка отодвинула лёгкие шторы. За стеклом раскинулся сад — зелёные деревья, клумбы с цветами... Я представила, как буду сидеть на подоконнике с книгой и чашкой чая, слушать пение птиц и смотреть, как меняется пейзаж в зависимости от времени суток.

«А гардеробная! — Я распахнула дверь и ахнула. — Да это же настоящая мечта!» Просторные шкафы вдоль стен, деревянные дверцы со стеклянными вставками... Я провела рукой по гладкой поверхности и шагнула внутрь. Мягкое освещение подчёркивало каждую деталь, большое зеркало в полный рост отразило мое сияющее лицо. Пуфик в центре так и звал присесть, а полки и вешалки выглядели идеально организованными: свитера аккуратно сложены, платья и

костюмы висят ровными рядами, внизу — целая коллекция обуви. *«Здесь можно проводить часы, выбирая наряд и любуясь собой»*, — грустно улыбнулась я.

Из гардеробной я направилась в ванную. Светлые тона, мраморный пол, мозаика на стенах... Взгляд зацепился за ванну на изогнутых ножках — такую элегантную, будто из старинного замка. Рядом — современная душевая кабина. Я коснулась пушистого полотенца на полке, заметила ароматические свечи и изящные флаконы с косметикой. Зеркало в золочёной раме отражало мягкий свет, создавая ощущение настоящего спа-салона. *«После тяжёлого дня здесь можно полностью расслабиться»*, — вздохнула я.

Раздвижная перегородка отделяла основную часть комнаты от личного кабинета. Я скользнула туда и огляделась. Масивный стол из тёмного дерева, удобное кресло, стеллажи с книгами... На столе — лампа с абажуром, ноутбук и органайзер. На стенах — полки с любимыми книгами и несколько картин, которые сразу вызвали в душе отклик. *«Вот оно место, где можно работать, творить, размышлять... Где идеи будут приходить сами собой»*.

Я вернулась в центр комнаты и ещё раз огляделась. Воздух, свет, гармония — всё здесь было продумано до мелочей. Плавные переходы между зонами создавали ощущение единого, живого пространства.

Я повернулась к Аглаи и сказала:

— Спасибо, я остановлюсь на этой. Другие смотреть не

хочу.

— Как угодно, Елизавета Эдуардовна — сказала она мне.

— Зовите меня просто Лизи, — попросила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Не нужно всех этих формальностей.

Аглая, женщина с безупречной осанкой и внимательным взглядом, едва заметно кивнула. Её лицо оставалось непроницаемым, но в глазах промелькнуло что-то похожее на понимание.

— Хорошо, Лизи, — спокойно ответила она. — Я расправляюсь, чтобы все твои вещи принесли в эту комнату и разобрали.

Я мысленно возразила ей. Мысль о том, что чужие руки будут копаться в моих вещах, перекладывая их по своему усмотрению, вызывала внутренний протест. Это было бы вторжением в тот крошечный островок личного пространства, который у меня ещё остался.

— Нет, Аглая, это лишнее, — я постаралась произнести это твёрдо, но вежливо. — Я сама разберу свои вещи так, как мне будет удобно.

Она снова склонила голову в знак согласия.

— Поняла вас, — произнесла она и, сделав шаг к выходу, на мгновение задержалась в дверном проёме. Она обернулась и добавила, указывая изящным жестом на прикроватную тумбочку: — Если я вам понадобится, там есть кнопка. Просто нажмите на неё, и я сразу приду.

— Спасибо, я вас поняла, — сказала я ей вслед.

Тяжёлая дубовая дверь бесшумно закрылась, отрезая меня от внешнего мира и оставляя в звенящей тишине огромного дома.

Я осталась одна. Вокруг простирались стены, отделанные дорогими тканями и деревом, мебель казалась музейной, а воздух был пропитан запахом старинных книг и воска. Этот дом подавлял своим величием. Он был чужим. Абсолютно чужим.

Ноги вдруг стали ватными. Я прислонилась спиной к прохладной стене и медленно сползла по ней вниз, пока не оказалась сидящей на полу. Тяжёлая, свинцовая грусть навалилась на меня всем своим весом, не давая дышать. Это не мой дом. Здесь нет моих родных голосов, моего привычного беспорядка, моего уюта. Всё вокруг было холодным, идеальным и совершенно безразличным ко мне.

Почему это случилось именно со мной? Я обхватила колени руками и уткнулась в них лицом, пытаюсь спрятаться от этой новой реальности.

Взяла телефон дрожащими руками и набрала номер папы. Пальцы скользили по экрану, с трудом попадая по цифрам: каждый символ давался с усилием, будто сам воздух сопротивлялся этому звонку.

Гудок... Ещё один... А затем – резкий, безжалостный сигнал: вызов сброшен.

Я была раздавлена. В груди разливалась тяжёлая пустота

— та самая, что поглощает целиком, не оставляя места ни надежде, ни слезам. Дыхание сбилось, а в горле встал колючий ком, мешающий вдохнуть полной грудью.

«Почему?» — беззвучно шептали губы, но ответа не было. Только тишина вокруг, да глухой стук собственного сердца, отсчитывающего секунды в этом новом, чужом мире, где папа больше не ответит на звонок.

Резкая трель телефона вырвала меня из оцепенения. На экране светилось имя «*Никита*» и маленькое красное сердечко — наш привычный символ. Я знала, что он ждёт ответа. Но сил говорить с ним сейчас просто не было.

«*Я тебе, конечно, рада, милый, но не сейчас*», — подумала я и решительно отключила звук.

Я понимала, чем это может грозить: Никита не терпел, когда его игнорировали. Обычно после пропущенных звонков следовал шквал упрёков и гневных сообщений.

Но сейчас мне было всё равно. Моё душевное состояние было слишком хрупким для его взрывного характера. Я положила телефон на тумбу и встала, чтобы немного пройтись по комнате и размять затёкшие мышцы.

В дверь снова постучали — на этот раз громче и увереннее.

— Да-да, войдите! — крикнула я.

В комнату вошли пятеро грузчиков в униформе. Они внесли коробки и пакеты — всё моё прошлое, упакованное в картон и полиэтилен. Старший из них вопросительно по-

смотрел на меня:

— Куда прикажете ставить?

Я обвела взглядом просторную комнату. Идеального места для этого хаоса здесь не было.

— Бросайте прямо посреди комнаты, — устало махнула я рукой.

Мужчины молча выполнили указание и так же молча удалились, оставив меня наедине с горой вещей, возвышавшейся посреди идеального порядка чужой спальни.

«Ну что ж, Лизи, слезами тут не поможешь», — сказала я себе мысленно и принялась за работу.

Два часа пролетели незаметно в шуршании скотча и перекладывании одежды. Когда последняя коробка опустела, я без сил упала на кровать. Тело ныло от усталости.

«Надо было всё-таки не отказываться от помощи», — пронеслось в голове запоздалое сожаление.

Отдышавшись, я потянулась за телефоном. Экран вспыхнул, показывая время: восемь вечера. А рядом с часами — пятнадцать пропущенных вызовов от Никиты.

Я тяжело вздохнула. Мда... Беда.

Мне срочно нужен был кто-то свой. Кто-то из прошлой жизни. Я открыла список контактов и нашла номер Ксюши. В трубке раздались три длинных гудка.

— Алло? — голос подруги звучал удивлённо.

— Привет, Ксюша... — мой голос предательски дрогнул. — Я переехала в новый дом. Не по своей воле. Только что я

закончила разбор вещей и дико устала. Меня как будто поезд переехал... На меня свалилось сегодня столько всего... Голова кругом и ощущение, что я сплю.

Ксюша помолчала секунду.

— Твои родители заставили тебя, что ли?

Я невесело усмехнулась в ответ:

— Хы... Как оказалось, они вовсе и не мои родители. Сегодня утром ко мне приехал мужчина и заявил, что он мой родной отец. Я пыталась дозвониться до Глеба... но он, сукин сын, даже не соизволил взять трубку и объясниться. Чтоб ты понимала... они даже не проводили меня.

— Какой кошмар! — воскликнула подруга с искренним сочувствием. — Лизи! Может быть... может быть, стоит заявить в полицию о твоём похищении?

Я горько рассмеялась в трубку:

— Ну, я тебе скажу... Если тебя похищают и везут на крутой тачке в шикарный дорогой дом... то наверное стоит? — смех оборвался так же резко, как и начался.

Ксюша явно растерялась:

— Что? Прости?

Я сделала глубокий вдох:

— Эх, Ксюша... Моим отцом оказался крупный миллиардер Эдуард Строгов.

На том конце провода повисла оглушительная тишина, а затем раздался пронзительный визг:

— Что?!

Ксюша закричала ещё громче:

— Кто?!

— Ксюша! Прекрати орать мне в ухо! Да, ты не ослышалась.

Подруга шумно выдохнула:

— Обалдеть! Лизи! Так радоваться надо! Нет?

Я закрыла глаза. Радоваться? Чему?

— Чему радоваться? Тому, что всё это время мне морочили голову? Что люди, которых я считала родителями, нагло мне вралы? Они разрушили мне жизнь... милая...

Голос Ксюши снова стал серьёзным и деловитым:

— Слушай, Лиз... Твой так называемый новый папаша при деньгах. Ты можешь ни в чём себе не отказывать. Живи как раньше! Просто не обращай на него внимания — вот и всё. И теперь у тебя есть безлимитная карта на всё, что ты хочешь!

Её слова заставили меня задуматься лишь на мгновение.

— Может быть... — задумчиво протянула я. — Я подумаю над этим, Ксю.

— Когда мы сможем встретиться? — протараторила в трубку Ксюша, сгорая от любопытства.

— Честно говоря, я пока даже не знаю, — вздохнула я, чувствуя, как наваливается усталость. — Мне нужно немного освоиться и понять, что мне вообще можно делать

в этом доме. Вдруг меня вообще не будут никуда отпускать, чтобы я не сбежала?

— я горько усмехнулась собственной шутке.

Я встала с кровати, ощущая, как гудят ноги после разбора вещей, и медленно прошла на балкон. Оказывается, в моей комнате был и он. Я опустилась в плетёное кресло из ротанга, обитое мягкими подушками, которые тут же приняли форму моего тела, даря мимолётное ощущение уюта.

Пока Ксюша рассказывала мне о том, как прошёл её день, я бездумно смотрела на открывающийся вид. Сад, раскинувшийся внизу, был идеально ухожен: ровные дорожки, подстриженные кусты и цветочные клумбы создавали картину умиротворения. Но моё внимание привлекло движение у ворот. Во двор медленно въехала чёрная машина.

Я подскочила к перилам балкона, вцепившись в них так, что побелели костяшки пальцев.

— Это не машина Эдуарда! — прошептала я вслух, сама не веря своим глазам. — Неужели это мои новые родственники?

В трубке послышался обеспокоенный голос подруги:

— Кто там, Лиз?

— Ксюша, давай я тебе потом перезвоню. Кажется, мои новые родственнички приехали.

— Да, хорошо, пока, — сказала Ксюша и отключилась.

Я убрала телефон в карман штанов и замерла, превратившись в наблюдателя. Сердце колотилось где-то в горле. Из машины вышла она. Майя Строгова. Женщина была роскошна — это было первое, что бросалось в глаза. На ней был

идеально скроенный классический белый костюм, который подчёркивал стройную фигуру. Аккуратно уложенное каре обрамляло ухоженное лицо, а белоснежные туфли на невысимо высокой шпильке делали её походку грациозной и уверенной. Она выглядела так, словно сошла с обложки глянцевого журнала.

Я невольно одёрнула себя, поправляя простую рубашку, и с досадой подумала, что явно не вписываюсь в их стиль. Мой повседневный вид казался чужеродным на фоне этой безупречной роскоши и выверенной элегантности, которая царила внизу.

В этот момент моё внимание привлёк мужчина, вышедший со стороны водительского места. Он двигался с какой-то врождённой, почти кошачьей грацией.

Я подалась вперёд, чтобы лучше рассмотреть его. У него была утончённая, почти классическая внешность: высокий, стройный, с благородными, чётко очерченными чертами лица. В его облике не было ничего лишнего, всё казалось гармоничным и завершённым.

«Кто это? — пронеслось у меня в голове. — Сын Майи или её личный водитель?» В его манере держаться чувствовалась уверенность, но она не была показной.

Он обошёл машину и, подойдя к Майи, приобнял её за талию. В этом жесте было столько непринуждённости и родственной близости, что у меня сразу отпали последние сомнения — это, без сомнения, её сын. Вот только кто имен-

но? Руслан или Роберт? — пронеслось у меня в голове.

Я поймала себя на мысли, что уже несколько минут бесцеломно пялюсь на них сверху, словно зритель в театре. Щёки обожгло жаром от смущения. Вдруг они поднимут взгляд и заметят меня? Эта мысль заставила меня вздрогнуть.

Я резко отстранилась от перил, словно они были раскалены, и, отступив на шаг, быстро развернулась и забежала обратно в комнату. Оказавшись в безопасности, я прижалась спиной к закрытой балконной двери, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце и выровнять дыхание.

Собравшись с мыслями, я прошла в ванную комнату и посмотрела на себя в зеркало. Вдруг послышалось тихое «урррр» — это был мой живот. Последнее, что я съела, — это был бутерброд утром. Желание поесть заставило меня выйти из комнаты, но перед этим я привела себя в порядок.

Я приняла освежающий душ, чтобы смыть с себя усталость и все тревоги сегодняшнего дня. Выйдя из душа, я нанесла лёгкий макияж, подчеркнув пухлые губы бальзамом, и расчесала свои длинные и густые ресницы. Волосы я высушила и оставила распущенными, чтобы они свободно спадали по плечам.

Зайдя в гардероб, я выбрала чёрное платье-лапшу с изящным вырезом до бедра и тонкими ляпочками на плечах. Собравшись с духом, я вышла из комнаты. По дороге на кухню мне посчастливилось никого не встретить, чему я была очень рада.

На кухне меня встретила женщина. У неё были мягкие черты лица, которые освещала тёплая, искренняя улыбка. Глаза — большие, внимательные, с искоркой доброго юмора и мудрости, словно она видела человека насквозь и всегда была готова поддержать. Волосы, уже тронутые сединой, аккуратно уложены в простую причёску.

Её фигура — полная, но не тяжёлая, движения плавные и уверенные. Она предпочитала удобную, скромную одежду: платья в цветочек, тёплые кофты, на ногах — мягкие тапочки. На шее можно было заметить скромные бусы.

— Привет, моя дорогая! — радостно сказала она. — Я так рада тебя видеть! Я так скучала по тебе.

Она подбежала ко мне и крепко обняла. Я стояла в ступоре и тихо произнесла:

— Здравствуйте...

— Бабушка Маша, можешь меня так звать, — улыбнулась она, отпуская меня и начиная внимательно рассматривать. — Боже мой, как же ты выросла, девочка моя!

А черты лица... ну точно как у Анны, — грустно подметила она.

«У мамы», — подумала я. Интересно было бы посмотреть, как же она всё-таки выглядела, раз все говорят, что я на неё похожа.

В этот момент раздалось громкое урчание моего живота. Я смутилась и скромно улыбнулась:

— А у вас будет что-нибудь покушать?

Брови Бабушки Маши поползли вверх:

— Ну конечно, золотко моё, конечно будет! Ты садись, я сейчас всё приготовлю для тебя.

И Мария засуетилась на кухне, а я ждала её за столом. Мне стало неловко, и я подошла к ней:

— Может, вам помочь?

Она повернулась ко мне и засмеялась:

— Ты что, дорогая? Держи тебе чаек, я сама со всем справлюсь.

Я улыбнулась и пододвинула к себе тёплый чай, поднесла к нему обе руки и сидела, грея их.

— Кх-кх... — привлекла я снова её внимание. — Бабушка Маша, а вы бы не могли мне рассказать подробнее про обитателей этого дома?

Она, не поворачиваясь ко мне, кинула через плечо:

— Ты спрашивай, что тебе интересно, а я буду тебе рассказывать.

— Хорошо, расскажите мне про Майю и её сыновей. Сегодня с балкона я видела, как она приехала с одним из них.

— Ооо... Они приехали с Робертом, — начала бабушка Маша, отхлебнув чаю и аккуратно поставив чашку на блюдце. — Ну, слушай, деточка, что я тебе скажу про эту Майю... Ох, женщина — загляденье! Стратег от природы, вот точно тебе говорю.

Бабушка покачала головой, улыбнулась и поправила бусы на шее.

— У неё, видишь ли, ум такой — острый, аналитический. Не то, что у нас, старушек: мы порой и не разберём, что к чему. А Майя — она ход наперёд просчитает, да так ловко, что диву даёшься. Там, где другие только детали какие-то видят, она — самую суть проблемы ухватит. В бизнесе — огонь: решительная, требовательная. К себе — строго, к подчинённым — тоже, но, заметь, справедливо.

Я взяла сэндвич с ветчиной и сыром, откусила небольшой кусочек, и продолжила слушать.

— За это её и уважают, да. Профессионализм налицо, и хладнокровие — в любой стрессовой ситуации. Помню, Аглая рассказывала случай: там такая заварушка вышла, все бегают, паникуют, а Майя стоит, спокойна, как скала, и уже план действий составляет. Вот это сила духа, деточка!

Я пододвинула к себе тарелочку со сладкими блинчиками, политыми сгущённым молоком, и вздохнула с удовольствием.

— А знаешь, что самое интересное? В личном-то общении она совсем другая — мягкая такая, харизматичная. Умеет слушать, к людям подход находит — это ж талант, не у каждого есть. Время ценит, своё и чужое: у неё всё по минутам расписано, ни одной лишней секунды.

Вот держи еще пирожное с заварным кремом:

— Лен, ложь и непрофессионализм — вот чего она на дух не переносит. Сразу видно: с такой женщиной считаться надо. Но и восхищаться невозможно не начать — вот правда,

деточка. Сила, да и только!

Она отпила ещё чаю, откинулась на спинку стула и улыбнулась:

— Что же ещё можно было ожидать от такой женщины?

Я слушала Бабушку Машу, задавала вопросы — так интересно всё это, так живо представляешь её... И угощалась потихоньку — блинчики-то какие вкусные, а пирожные — просто объедение!

— Ну а что до Роберта... — проговорила она.

Взгляд у него обычно слегка насмешливый, а улыбка — обаятельная, но не всегда искренняя. Он тщательно следит за своим внешним видом, предпочитая дорогую, но неброскую одежду, подчёркивающую его статус.

Несмотря на аристократическое воспитание, Роберт обладает острым, цепким языком. Он мастер сарказма и иронии, любит поддеть собеседника метким замечанием или остроумной шуткой. Его речь всегда изысканна, но за внешней вежливостью часто скрывается язвительность.

С матерью у Роберта доверительные, но не лишённые иронии отношения.

Он уважает её, но не упускает случая пошутить над её строгостью или попытками повлиять на его образ жизни. Майя же знает о слабостях сына, но гордится его умом и умением держаться в обществе.

— А вам не влетит за всё это за то, что вы мне рассказываете? — спросила я.

Бабушка Маша рассмеялась:

— Что ты, детка? Нам наоборот было велено отвечать на все твои вопросы и просьбы. Да и вообще — за что меня ругать? Ты же всё выведываешь, интересуешься, с кем ты живёшь...

Бабушка Маша, сказала я опустив глаза на свою тарелку.

— А вы помните меня и нашу семью до того... ну... думаю вы меня поняли.

— Помню... — коротко ответила она. — У вас была счастливая и любящая семья. Каждый день был наполнен твоим смехом и радостным голосом твоей матери. Эдуард Алексеевич очень любил вас больше жизни.

Бабушка Маша посмотрела на время:

— Лизи, милая, уже поздно. Приходи завтра ко мне на завтрак — я тебе расскажу всё что пожелаешь.

Я посмотрела на часы: было уже за полночь.

— Ого! Я засиделась тут у вас и даже не заметила как время пролетело!

Бабушка Маша улыбнулась:

— Со мной всегда так! Я могу говорить без остановки.

Мы посмеялись вместе. Мне было так уютно и комфортно рядом с этой женщиной... Может тут и не так уж плохо? По крайней мере с ней мне было хорошо.

Я вышла с кухни и направилась к себе в комнату. В этом огромном доме было так тихо, что стало немного жутко. Я поднималась по ступенькам бесшумно настолько это было

возможно. Неожиданно сзади раздался мужской голос:

— Куда это ты так крадёшься?

Не ожидая подобного я едва не пискнула от страха. Я обернулась: внизу лестницы стоял он — Роберт.

— Зачем же так пугать? — сказала я.

— Пугать? — ответил он и хищно улыбнулся.

Эта улыбка меня немного насторожила.

Это ты меня пугаешь — ходишь тут по ночам совсем одна — проговорил он всё с той же хищной улыбкой и в наглую начал осматривать меня с ног до головы.

— Будем знакомы! Роберт Бертон! — он начал медленно подниматься по лестнице с протянутой мне рукой и всё такой же улыбкой.

Я посмотрела на него хлопая своими пышными ресницами и сказала:

— Ну во-первых: мне нужно сопровождение чтобы дойти до своей комнаты?

Во-вторых: зачем надо было так бесшумно подкрадываться? Нравится производить впечатление эффектом неожиданности.

Роберт всё ещё стоял с протянутой мне рукой.

В-третьих: я Лизи! — рукопожатием руки я его не удостоила.

Роберт улыбнулся ещё шире и убрал руку:

— Что ж... А ты резкая! Мне нравится.

Роберт медленно прошел мимо меня задев плечом.

— Спокойной ночи, Лизи.

Я стояла в полном недоумении — вот так встреча. Я проследила взглядом, как Роберт удалялся в своё крыло, и невольно поёжилась. Этот человек вызывал у меня неприязнь: его взгляд был тяжёлым, почти липким, казалось, он буквально пожирал меня глазами.

Не желая задерживаться на лестнице ни минуты, я поспешила к себе в комнату. Едва переступив порог, я с силой захлопнула дверь и повернула ключ в замке — так спокойнее, подумала я. Подошла к кровати, включила светильник, взяла зарядку и воткнула телефон в розетку. Едва моя голова коснулась подушки, я тут же провалилась в глубокий сон — сегодняшний день выдался слишком тяжёлым.

На следующее утро меня разбудил неожиданный стук в дверь. Я подскочила на кровати, сердце забилося чаще. Стук повторился.

— Лизи, это Аглая, — раздался голос за дверью.

Я встала с кровати и открыла дверь.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь скрыть сонливость.

— Доброе утро. Сегодня ваш отец хотел бы видеть вас на семейном завтраке, — сообщила она.

— Меня? Это обязательно? — удивилась я.

Аглая мягко улыбнулась и ответила:

— Как бы тяжело вам ни было, вашему отцу тоже непросто. Он очень хотел бы, чтобы вы присутствовали.

— Отцу тяжело?! — воскликнула я, и голос дрожал от на-

хлынувших эмоций, срываясь на громкую усмешку. — Он двенадцать лет пропадал непонятно где, а теперь вдруг появился, вырывая меня из привычной жизни, и хочет, чтобы всё было хорошо?

Мы не в сказке! Так и передайте ему: я никуда не пойду, пока меня не вернут в мою прежнюю жизнь!

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и резкие, словно осколки стекла. Внутри всё кипело: обида, гнев, растерянность — целая буря чувств, которую больше не получалось сдерживать.

Аглая быстро покинула комнату, я с силой захлопнула дверь. Глухой стук отозвался эхом в тишине, подчеркивая окончательность ее ухода. Я осталась одна. Несколько мгновений стояла неподвижно, прислушиваясь к затихающим шагам за дверью, а потом тихо, но твёрдо произнесла вслух:

— Думали, я буду паинькой ? Думайте так дальше...

Фраза прозвучала негромко, но в ней было столько внутренней силы, столько неприкрытой решимости, что даже воздух сгустился вокруг. Я сжала кулаки, глубоко вздохнула и подняла подбородок. Теперь я точно знала: пора бороться за себя — за свою жизнь, за своё право выбирать.

Я развернулась и направилась в душ. Прохладная вода освежила лицо, смывая остатки сна и тревоги. Я тщательно почистила зубы, стараясь привести мысли в порядок, затем достала косметичку. Лёгкий макияж — немного тонального крема, чтобы выровнять тон кожи, тонкий слой туши для

ресниц и едва заметный блеск на губы — помог мне почувствовать себя собрание. Взглянув на своё отражение, я завязала волосы в аккуратный хвост, чтобы они не мешали и не отвлекали.

Покончив с утренними процедурами, я прошла в гардеробную. Просторное помещение было наполнено аккуратно развешанной одеждой, но сегодня мой взгляд сразу остановился на кожаной мини-юбке — она всегда придавала мне уверенности. К ней я подобрала чёрное боди, которое идеально подчёркивало фигуру, и завершила образ удобными чёрными кедами. В этом наряде я чувствовала себя одновременно элегантно и свободно — именно то, что было нужно. Глубоко вдохнув, я ещё раз взглянула на себя в зеркало и, убедившись, что всё в порядке взяла сумку, телефон, зарядку- и направилась к двери, готовая сбежать из этого цирка. Пальцы дрожали, но я старалась идти ровно, не выдавать своего волнения. В груди билась мысль: *«Я вернусь к прежней жизни»*.

Медленно выглянув в коридор, я никого не увидела. Тишина. Ни шагов, ни голосов — лишь далекий стук часов где-то в глубине дома. Ещё раз набрала номер родителей — опять тишина. Гудки шли, шли, а потом механический голос сообщил: *«Абонент временно недоступен»*.

—Ничего, — прошептала я себе, сжимая телефон в ладони. — Я всё ещё знаю, где мой дом.

Я направилась ко второму выходу из дома — тихо, почти

бесшумно, стараясь не привлекать внимания. Сердце стучало в такт шагам: раз, два, три... Уже почти переступая порог, уже чувствуя запах свободы, уже почти на воле —...но за спиной раздался знакомый голос:

— Ох, ну и представление, — пробормотал Роберт, наблюдая, как Лизи с решительным видом крадётся ко второму выходу.

— Лизи, столовая в другой стороне, — произнёс он с широкой ухмылкой, наслаждаясь моментом.

Я резко развернулась на пятках, сверкнув глазами — ну прямо разъярённая кошка:

— Опять ты? А кто сказал, что я туда иду? — бросила я и пулей вылетела из дома.

Роберт расхохотался и бросился следом.

— Эй, Лизи, ты далеко не убежишь! — крикнул он, стараясь не отставать.

«Ох, ну надо же, какая драма! — думал Роберт, догоняя её. — Будто

в приключенческом фильме оказалась. „Побег из замка“, глава первая...»

— Это мы ещё посмотрим! — грозно ответила я на бегу.

— О, конечно, посмотрим, — хмыкнул Роберт, ускоряясь.
— Кто же спорит...

Он легко догнал меня у бассейна — ловкость и опыт сыграли свою роль. Схватил за руку, всё ещё смеясь:

— Ты проиграла, — весело произнёс он.

Я начала вырываться, возмущённо требуя отпустить. Роберт на мгновение замер, глядя в мои полные злости глаза. Веселье вдруг схлынуло — он вдруг отчётливо увидел, сколько боли и отчаяния скрывается за этой вспышкой гнева.

«Да она же просто напугана, — пронеслось в голове.»

Смех стих. Роберт посмотрел на меня серьёзно, почти жёстко:

— Прости, Лизи, но ты уже дома. Тебя там не ждут. Ты больше никогда не сможешь вернуться к прошлой жизни. Прими это как должное и живи в удовольствие.

Я посмотрела на него. Внутри всё сжалось, к горлу подступил ком.

Мне захотелось расплакаться, но я сдержалась — только не при нём. Этот человек не заслуживает моих слёз.

Он увидел, как она сжала губы, как дрогнули её ресницы — она сдерживала слёзы. *«Молодец, — подумал он. — Гордая. Не станет плакать при мне».*

Несколько секунд мы стояли молча. Ветер шевелил волосы, вода в бассейне слегка волновалась, отражая небо.

Наконец Роберт слегка расслабился, на лице снова появилась улыбка — уже не насмешливая, а почти доброжелательная.

— Пойдём теперь завтракать, — сказал он, беря Лизи под руку. — С такой пробежкой надо восстанавливать калории, знаешь ли.

И, не дожидаясь ответа, он потянул меня обратно в дом. Я шла, опустив голову, но в глубине души что-то шевельнулось — не покорность, нет, а упрямая решимость.

Я построю свою жизнь по своему без родителей, которые меня просто продали.

К нашему приходу в столовой уже собрались все. Я вошла, в плохом расположении духа пожелала всем не доброго утра и направилась к столу. Во главе, устроился мой папочка. По правую руку от него сидела Майя, рядом с ней — маленький Артём. Возле Артёма расположился тот, кого мне меньше всего хотелось видеть после того как он остановил мой побег, — Роберт. Но он тактично умолчал о моем побеге.

Я прошла к противоположному концу стола и села дальше всех. Роберт усмехнулся, наблюдая за моими действиями.

Эдуард посмотрел на меня и произнёс:

— Доброе утро, Лизи. Спасибо, тебе, что все таки решила спустится к нашему завтраку. Все хорошо? Как тебе твоя комната?

Я перевела на него взгляд и коротко ответила:

— Конечно все просто замечательно меня забирают из моей привычной жизни увозят не пойми куда не пойми к кому, все отлично. За комнату спасибо, удобно —отрезала я.

Майя, заметив напряжение, решила поддержать разговор:

— Мы с тобой ещё не знакомы. Я — Майя.

— Я знаю, кто вы и вы знаете кто я. Давайте без этих формальностей, — ответила я.

Майя напряглась, но затем смягчилась и произнесла:

— А я вот рада знакомству с тобой и прекрасно понимаю твои чувства сейчас.

Я посмотрела на неё с сомнением:

— Вряд ли вы меня понимаете, Майя.

В этот момент слуги внесли блюда. Каждому поставили на стол его порцию.

Я открыла свою тарелку: там был омлет с трюфелями, чашка зелёного чая и на десерт — круассаны с миндальной крошкой. Мои любимые... Интересно, они знали или это просто совпадение?

Я принялась за завтрак в полной тишине, внимательно наблюдая за происходящим со стороны. Вскоре я заметила, что не все члены семьи собрались за столом. Роберт, словно прочитав мои мысли, нарушил молчание:

— Мам, а Руслан ведь завтра прилетает.

Майя, не отрываясь от своей записной книжки, спокойно ответила:

— Да, правда, достаточно поздно. Я с ним созванивалась, он сказал, что доберётся сам, водителя присылать не нужно.

— Вот блин, — расстроенно протянул Артём. — А я так хотел его встретить!

— Ну ничего, солнышко, — ласково утешила его Майя.

— После завтра у тебя будет возможность провести с ним время.

Артём радостно прокричал «Ура!», а Роберт бросил на

меня взгляд и ухмыльнулся. Я ответила ему прищуром: мне совсем не хотелось знать эту информацию. *«Подумала я про себя»*.

В этот момент у Майи зазвонил телефон. Она встала из-за стола, взяла свою записную книжку и направилась прочь из столовой.

Артём доел завтрак, и за ним пришла няня — молодая девушка.

Она мягко взяла мальчика за руку, и они вместе покинули столовую.

Эдуард доел свой завтрак и теперь медленно потягивал кофе, то и дело бросая на меня короткие взгляды. Я не выдержала и резко спросила:

— Ну что? Спрашивай уже, что ты там хотел.

Эдуард удивлённо посмотрел на меня. В этот момент Роберт поднялся из-за стола, произнёс с усмешкой:

— Удачи вам, Эдуард Алексеевич. С этими подростками далеко не просто, — похлопал его по плечу и вышел.

— Лизи, милая, могла бы ты вести себя немного сдержаннее? — мягко начал отец. — Я понимаю, тебе трудно, но давай будем идти на уступки друг другу. Давай разрушим этот невидимый барьер между нами.

Я посмотрела ему прямо в глаза и холодно добавила:

— Барьер поставила далеко не я. Чего же ты теперь от меня хочешь? Любви? Ласки? Нужно было думать об этом раньше, а не сплавлять меня к чужим людям, думая, что так

будет лучше.

Я отодвинула стул и направилась к выходу из столовой. Уже в дверях бросила ему вслед:

— Моё доверие нужно заслужить, — сказала я, глядя прямо в глаза отцу. В голосе не было ни намёка на слабость — только сталь. — Я больше никогда не вернусь к прежней жизни и к своим прошлым родителям.

Он догнал меня в холле:

— Лизи, я дам тебе личного водителя. Если тебе нужно будет куда-то съездить, он отвезёт тебя в любое место.

Я остановилась и повернулась к нему:

— А вот за это спасибо, очень кстати. А то я уже думала, буду как птица в клетке сидеть.

Он сдержанно улыбнулся и, не говоря больше ни слова, вышел во двор.

«Далеко не просто мне будет с ней. Возвращать её доверие», — думал он, садясь в машину и выезжая за пределы дома.

Виктор уже подготовил для меня букет больших лилий. Спасибо ему за это — он всегда меня выручал.

Он приехал к ней. К той, кого любил больше жизни. И именно по его вине её не стало.

— Здравствуй, Анна. Пришёл тебе сказать, что забрал нашу малышку домой.

Она стала такой взрослой и красивой, так похожа на тебя, душа моя... — слеза покатилась по его щеке. — Твои люби-

мые лилии...

Он медленно опустил букет на могилу жены и сел на скамейку рядом.

— Какую большую ошибку я всё-таки совершил... — прошептал он.

Позавтракав, я поднялась к себе. Надела часы, собрала сумочку — только самое нужное: расчёску, бальзам, телефон и салфетки для лица и рук. Распустила хвост и направилась к выделенному для меня автомобилю с личным водителем.

Спускаясь по лестнице, я набрала номер:

— Ксюша, ты свободна?

— Алло, да-а-а... — протянула она сонно.

— Ну тогда собирайся, я заеду за тобой! — с улыбкой произнесла я и бросила трубку.

Уже через час мы уютно расположились в нашем любимом кафе, которое находилось совсем недалеко от университета. Атмосфера здесь всегда была тёплой и располагающей к откровенным разговорам. Я подробно рассказала Ксюша обо всём, что произошло со мной накануне, не упуская ни одной детали.

Я смотрю на Ксюшу и невольно улыбаюсь — она такая... яркая. Сразу видно: эта девчонка не собирается прятаться в тени. Рост у неё, как и у меня, — но стоит она так, будто выше всех в комнате. В каждом движении — такая пружинистая энергия, дерзость, готовность в любой момент выкинуть что-нибудь неожиданное. Никакой хрупкости — только

стройность и какая-то упругая сила.

А это каре! Аккуратное, чёткое, идеально уложенное — и вдруг: бац! — яркие красные пряди. Они будто сигнальные огни: *«Внимание, здесь Ксюша!»* Я всегда восхищаюсь её смелостью — не каждая решится на такое. Это не просто цвет, это целая философия: *«Я не как все, и мне всё равно, что вы об этом думаете»*.

Лицо у Ксюши запоминающееся. Больше всего бросаются в глаза, ее глаза — огромные, нереально голубого цвета, прямо как океан в солнечный день. Иногда мне кажется, что в них и правда можно утонуть. И вот что забавно: взгляд у неё часто такой наивный, открытый, будто у ребёнка, который впервые увидел море. Это так контрастирует с её дерзким образом, что сначала даже не верится: та же самая девчонка, что вчера подбила нас залезть на крышу гаража, смотрит на мир такими невинными глазами!

Губы у Ксюши пухлые, мягкие — они придают её лицу какую-то трогательную детскость. Когда она улыбается, это выглядит так искренне и по-доброму, что сердце тает. Но стоит ей чуть прищуриться или скривить губы в усмешке — и вот уже перед тобой совсем другая Ксюша: уверенная, острая, не дающая спуску.

И ещё эта маленькая деталь — пирсинг в языке. Его не сразу заметишь, он не кричит о себе. Но когда вдруг случайно увидишь этот маленький блестящий шарик, всё сразу становится на свои места. Вот он, ключ к её характеру: за всей

этой яркостью и бравадой прячется девчонка, которая хочет казаться чуть старше, смелее, жёстче. Которая бунтует — но не против кого-то, а скорее ради самого ощущения свободы.

— Лизи, да ты, похоже, вытянула счастливый билет! — воскликнула подруга, широко улыбаясь.

— Если это можно так назвать, — с лёгкой иронией ответила я.

Родители Ксюша, конечно, не бедствовали, но до того, чтобы позволить себе личного водителя, им было далеко.

— Значит, ты ещё не со всеми членами семьи знакома? — с любопытством спросила Ксюша.

— Знаешь, у меня вообще не было особого желания с ними знакомиться, — призналась я, задумчиво глядя в окно.

— Если Роберт такой коварный, каким ты его описываешь, то каким же может оказаться его брат? — продолжала подруга.

— Ну, тут два варианта: либо он окажется ещё хуже, либо, наоборот, лучше, — пошутила я, и мы обе рассмеялись.

В этот момент официант принёс наш заказ: мне — ароматный латте и шоколадное печенье, а Ксюша — капучино с карамелью и два аппетитных кусочка торта.

Мы принялись за еду, и в воздухе витал аромат свежесваренного кофе и сладкой выпечки. Ксюша, с улыбкой на лице, предложила мне на следующей неделе пойти на закрытую вечеринку, куда её пригласил Эрик. Он был её лучшим другом, хотя по их отношениям слово «друг» звучало слишком

мягко — иногда казалось, что между ними есть нечто большее, но они никогда не ставили себя парой.

— Конечно, Ксю, я пойду! — с энтузиазмом ответила я, подмигнув ей. — А не буду ли я третьей лишней в вашей паре? — добавила я с игривой улыбкой, подмигивая.

Ксюша ударила меня по плечу и надула губы:

— Мы не пара, Лизи, сколько можно говорить!

— Да-да, — сказала я, строя губки бантиком, и мы обе рассмеялись.

В этот момент в кафе ворвался Никита. Я перевела игривый взгляд с Ксюша на него, и моё лицо быстро сменилось на серьёзное. Никита быстро пересёк расстояние от двери до нашего столика, сел рядом со мной и сильно притянул к себе за талию так, что мне стало больно, но я не подала виду и лишь улыбнулась.

— Привет, милый, — произнесла я, стараясь скрыть внутреннее напряжение.

«Боже, как же я не ожидала его сейчас здесь увидеть», — промелькнуло у меня в голове.

— Привет, детка, — сказал он, сжимая мою талию ещё сильнее. — Скажи мне, а почему это мы не берём трубки?

Он посмотрел на Ксюша и сказал:

— Оставь нас.

Ксюша ответила с язвительной ноткой:

— Я не твоя прислуга, Никита.

Никита оскалился:

— Пожалуйста, Ксюша, пока я добрый, испарись.

Ксюша посмотрела на меня, и я махнула ей головой. Она встала и пошла на улицу, ожидая меня. Никита проследил за тем, как Ксюша вышла, и повернулся ко мне, не ослабляя хватки.

— Никита, мне больно, — сказала я, пытаюсь освободиться.

— Больно? — переспросил он. — Нет, милая, тебе не больно, раз есть смелость не брать трубки, когда я звоню.

— Я была занята, — ответила я.

— Переездом? Я знаю! — резко сказал он.

— Откуда ты? — начала я, но он перебил меня.

— Я приходил к тебе домой, а он оказывается на продажу выставлен, а моя любимая девушка даже не удосужилась меня поставить в курс дела. *«Значит, на продаже... Теперь-то путь обратно точно закрыт»*, — с грустинкой подумала я, опустив взгляд на скатерть с её замысловатым узором. Пальцы невольно сжали край салфетки, сминая ткань.

Я глубоко вдохнула, стараясь унять тупую боль где-то в груди. *Да, возврата нет. Но это не значит, что впереди — только тьма. Я смогу. Я должна.*

Я попыталась что-то сказать, но он грубо оборвал меня:

— Молчать! Кажется, ты забыла, как нужно себя вести.

— Ничего я не забыла! — возразила я.

— А я вижу обратное, — сказал он. — Нужно кому-то преподать пару уроков правильных манер по отношению ко

мне.

Сдавливая ещё сильнее, добавил он.

— Ай, Никита, отпусти, мне очень больно!

— Я поняла, поняла, прости, больше такого не повторится, — произнесла я дрожащим голосом.

— Вот молодец, — грубо сказал он и нехотя отпустил руку, всё так же держа её на моей талии. — Ну, я жду. Говори?

— Что? — проронила я.

— Что-что? Где ты теперь живёшь?

— Я переехала в пригород.

— А что, у твоих предков домишки поближе не нашлось?
— с насмешкой спросил он.

— Не нашлось! — отрезала я от злости и сразу же прикусила язык. — Прости, Никита, вырвалось.

Никита улыбнулся:

— Покажешь, где ты теперь обитаешь?

— Как-нибудь, — ответила я.

Никита намотал мои волосы себе на палец. Я перевела на него взгляд. Никита был высоким парнем, его рост составлял метр восемьдесят, что сразу выделяло его из толпы.

У него крепкое, атлетическое телосложение; он не перекачан, но в его фигуре чувствовалась сила и уверенность. Движения Никиты резкие и немного угловатые, что подчёркивало его внутреннюю напряжённость. Его каштановые волосы обычно находились в лёгком беспорядке — он не привык тратить время на укладку. Чёлка часто падала на глаза, и

он нетерпеливо откидывал её назад резким движением головы. Взгляд у него тяжёлый, исподлобья; глаза тёмного оттенка смотрели на мир с нескрываемым вызовом и недоверием. Черты лица у него правильные, но немного резкие: чётко очерченная линия подбородка и плотно сжатые губы придавали ему упрямый и даже суровый вид. Он редко улыбался, а если и делал это, то чаще всего саркастично или хищно.

Я посмотрела на его руки: костяшки были все разбиты.

Я подняла на него взгляд и сказала:

— Опять дрался?

Он посмотрел на руку и небрежно ответил:

— Да, это так... поцарапался.

Я перевела взгляд на улицу, где стояла Ксюша и смотрела на нас. Она показала мне на часы на руке. Я посмотрела на Никиту и сказала:

— Ты меня прости, но мне пора идти.

Никита недовольно вздохнул:

— А я что, тебя отпускал?

Я сделала щенячий взгляд:

— Пожалуйста, Никит...

Он закатил глаза:

— Ладно... иди недовольно процедил: *«Завтра увидимся»*.

Я чмокнула его в щёку:

— Спасибо! — улыбнулась и поторопилась как можно скорее удалиться, пока он не передумал.

Я вышла на улицу, и мы с Ксюша направились к машине. По дороге домой Ксюша спросила:

— Всё нормально?

— Да, как обычно... — проговорила я задумчиво, смотря в окно.

— Почему ты с ним не расстанешься? Я не понимаю тебя, Лизи! Он же ходячая неприятность!

Я тихо сказала:

— Я боюсь...

— Чего? — проронила она.

— Что он испортит мне жизнь...

— Ну да! А сейчас гораздо лучше! — сказала недовольная Ксюша.

— Ну и сейчас не очень... — проронила я.

Мы отвезли Ксюшу домой и направились по магазинам. Я попросила водителя отвезти меня в торговый комплекс и только сейчас задумалась о том, что даже не спросила его имени.

— А как вас звать-то? — поинтересовалась я.

Он посмотрел на меня в зеркало:

— Зови меня Рома.

— Принято! Рома, вперёд по магазинам разорять карточки папочки! — зло усмехнулась я.

Мы приехали в торговый комплекс, и я принялась ходить по всем магазинам: даже по тем, которые мне раньше были недоступны из-за высокой цены. В этот момент я чувствовала

ла себя звездой: меня так обслуживали во всех дорогих магазинах!

Мне собрали достаточно много роскошных образов. Решила я не отставать от своей теперь уже новоиспечённой мацехи. Так как я не могла определиться с выбором одежды для вечеринки у Эрика, а ведь нужно было выглядеть эффектно, то взяла все пять образов включая аксессуары и новое нижнее бельё.

Не обошлось без косметики: взяла максимально качественную и самую дорогую из тех брендов о которых только слышала... И только пиканье карточки *«оплачено»* раздавалось эхом по магазину да вздыхающий Рома позади меня нёс все мои покупки...

Мы остановились возле магазина техники: там я не удержалась и купила себе новенький телефон последней модели и сенсорные часики на чёрном кожаном ремешке очень стильные.

— Ну красота! — сказала я разглядывая новые покупки поворачиваясь к Роме. — Ну что Рома поехали домой!

Он облегчённо вздохнул видимо устал от шопинга мы направились на парковку...

Прибыв домой попросила персонал помочь донести вещи до комнаты входя в дом меня там встретила Майя...

— Упс... — сказала я, заметив как целую вереницу пакетов и коробок с вещами, проносили мимо Майи.

Майя повернулась ко мне и с лёгкой улыбкой заметила:

— А ты молодец, зря времени не теряешь!

— Спасибо, — проронила я. — Почему я должна терять время, если мне разрешили? Грех не воспользоваться! — и я натянула на себя невинную улыбку.

Она улыбнулась мне в ответ и протянула небольшую коробочку.

— Что это? — удивилась я.

— Небольшой подарок от меня, — сказала Майя.

Я открыла коробочку: внутри лежали изящные серьги с бриллиантами, которые переливались даже при тусклом свете коридора.

— Оу, спасибо, но я, наверное, откажусь, — начала я, чувствуя неловкость от такого щедрого жеста.

— Бери, они теперь твои. Считай, это небольшой подарок от меня, — улыбнулась Майя.

В этот момент у неё снова зазвонил телефон, и она, извинившись взглядом, быстро покинула коридор, где мы стояли.

— Ааа, я даже не успела ничего сказать! — воскликнула я, оставшись одна.

«Какая же всё-таки занятая женщина», — подумала я и направилась к себе в комнату.

По пути я обратила внимание на массивную дверь библиотеки. «Надо бы наведаться туда», — мелькнула мысль, но усталость взяла своё. — «Но только не сейчас, очень устала».

Я зашла в комнату и первым делом принялась разбирать

многочисленные пакеты с покупками. Коробочку с серьгами от Майи я аккуратно положила к остальным украшениям в шкатулку.

— Подкупить меня пытается, — сказала я вслух, усмехнувшись. — Ну-ну, не выйдет.

Разобрав вещи, я нажала на кнопку вызова персонала. Ко мне снова пришла та же Аглая.

— Можно ли я сегодня поужинаю у себя в комнате? — спросила я.

— Конечно. Что бы вы хотели? Наш повар для вас приготовит, — с готовностью ответила она.

— Можно мне, пожалуйста, куриное филе, запечённое с грибами в сливочном соусе, ягодный чай и на десерт пару шоколадных кексов?

Аглая кивнула и вышла из комнаты.

Я прошла в кабинет и села за ноутбук. Что ж, завтра пары, а я совсем не подготовила реферат... Мне принесли мой ужин. Я накрыла себе на краю рабочего стола и, наслаждаясь ароматной едой, принялась искать информацию в интернете.

Закончить работу удалось лишь около двух часов ночи. Посмотрев на часы, я поняла, что сна нет ни в одном глазу — голова была ясной, а тело переполняла странная, беспокойная энергия. Вспомнив про огромную домашнюю библиотеку, я решила, что это идеальное время для визита: в такой час там уж точно никого не будет.

Я тихо выскользнула из своей комнаты. Выглянув в кори-

дор и убедившись, что он пуст, я на цыпочках направилась к соседней двери. Толкнув её, я вошла внутрь.

В библиотеке царил крошечная тьма, но мне не хотелось оставлять дверь открытой настежь. На ощупь я стала искать выключатель, водя ладонью по стене справа.

— Да блин, да где же он? — прошептала я себе под нос.

— О, вот нашла!

Я нажала на кнопку, и свет резко вспыхнул. От неожиданности, увидев прямо перед своим лицом мужскую фигуру, я едва сдержала крик и со всей силы ударила стоявшего передо мной человека.

Двумя часами ранее. Руслан.

Во двор бесшумно въехал красный кабриолет. Из него вышел мужчина. Это был Руслан Бертон — двадцатилетний юноша, но в его облике сквозило что-то не по годам взрослое и серьёзное. Рост под метр девяносто, телосложение жилистое и спортивное, как у человека, привыкшего к постоянной физической активности. Тёмные волосы были коротко подстрижены, но всегда выглядели слегка взъерошенными, будто он только что провёл по ним рукой. Серо-зелёные глаза смотрели внимательно и цепко, хотя часто казались отстранёнными. Черты лица были правильными, идеальными. Он одевался просто и удобно: брюки, рубашка в обтяжку и кроссовки.

Он вышел из машины, закинул сумку на плечо и кинул ключи подбежавшему слуге:

— Отгони, пожалуйста, в гараж.

Произнёс он бархатным, но очень уставшим голосом.

Руслан двинулся в сторону дома. В гостиной его ждал брат.

— Ну здравствуй, родной! — произнёс Роберт и подошёл обнять брата.

Они радостно обнялись, забавно посмеиваясь.

— Зачем ты меня ждёшь? — спросил Руслан.

— Не поверишь, соскучился, братишка. Целых три месяца тебя не видел.

Руслан задиристо усмехнулся:

— Что? Не с кем было пить в барах?

И улыбнувшись, он оголил свои клыки в хищной ухмылке.

Роберт рассмеялся:

— А то, не с кем девок было клеить.

— А Арина не против? — усмехнулся Руслан.

Роберт закатил глаза:

— Она пока у своих родителей.

— Ясно, — протянул Руслан. — Ну что ж, предлагаю завтра потусить. А сегодня я ужасно устал.

Ах да у меня еще очень интересная новость. Сказал Роберт хищно улыбаясь.

Руслан уже собирался выйти из гостиной и через плечо кинул:

— Братишка, давай, пожалуйста, завтра всё. Я очень устал от всех этих перелётов, почти не спал.

— Как скажешь, — сказал Роберт.

Руслан вышел из гостиной и направился в свою спальню. Он принял освежающий душ, надел домашние джинсы и футболку. Решив расслабиться перед сном за книжкой, он взял телефон и направился в библиотеку, которая находилась недалеко от его комнаты.

Зайдя внутрь, он включил свет и прошёл к первому стеллажу. Внезапно за дверью послышались чьи-то шаги.

«Кому это тут не спится посреди ночи?» — быстро выключив свет, он прижался к стене у входа.

Дверь медленно открылась, и в библиотеку кто-то вошёл, быстро закрыв за собой дверь. Руслан очень удивился.

Раздался женский шёпот:

— Да блин, где же он...

— О вот нашла!

Свет включился. Перед ним стояла девушка. Она тихо пискнула от страха, а в следующую секунду её кулак летел ему прямо в лицо. От неожиданности Руслан не успел уклониться, и её удар пришёлся ему точно в челюсть.

«Эта та новость, которую хотел рассказать мне Роберт», — успел подумать он, хватаясь за лицо руками.

— Ай! Ты что, с ума сошла?! — воскликнул он.

Лизи тут же схватилась руками за своё лицо:

— Прости-прости! Я... я очень испугалась! Я не хотела!

— Лёд там, в мини-баре, посмотри! — морщась от боли, бросил Руслан.

Лизи спотыкаясь об ковер побежала к бару. Она схватила полотенце, достала лёд и подбежала обратно к нему. Руслан тем временем тяжело опустился в кресло.

Она протянула ему свёрток:

— Вот держи.

Руслан взял лёд и приложил к челюсти.

— Сильно больно? — тихо спросила Лизи.

Руслан, потер лицо на его губах заиграла обезоруживающая улыбка:

— Ничего страшного! Зато теперь я точно запомню, что приходить в библиотеку после полуночи опасно для здоровья. Особенно для мужского самолюбия.

Они оба рассмеялись, смех разрядил обстановку и Лизи почувствовала себя смелее протянула руку:

— Я Лизи. Кажется, мы только что познакомились самым экстремальным способом.

Он мягко пожал ее ладонь. Его прикосновение было теплым и уверенным.

— Руслан, — Надеюсь, в следующий раз ты не будешь меня избивать.

— Обещаю! — улыбнулась Лизи. — не торопясь убирать руку. Если только ты не подкрадёшься ко мне в темноте снова.

Руслан хищно улыбнулся, обнажая острые клыки. Я

невольно засмотрелась на них, но, поймав себя на этом, тут же отвернулась, стараясь скрыть смущение.

— А ты же вроде должен был завтра приехать, — сказала я, чтобы заполнить повисшую тишину.

— Агась, — игриво протянул он, — решил не ждать завтра. И, как вижу, не зря.

Я почувствовала, как щёки заливает румянец под пристальным взглядом его серо-зелёных глаз.

— Ну ладно, я пойду. Ты, наверное, хотел бы побыть в одиночестве, — пробормотала я, отступая к двери.

— Да куда уж там, — рассмеялся он, — после такого-то прилёта я, пожалуй, пойду спать.

Мы вышли из библиотеки вместе. Я сразу направилась в свою комнату. Руслан окинул взглядом коридор и остановился у моей двери.

— А ты удачно выбрала комнату, — заметил он с хитрой улыбкой.

— Спасибо, — ответила я, чувствуя странное тепло в груди.

Он кивнул и ушёл, оставив меня наедине с мыслями.

Зайдя в спальню, я начала переодеваться. Встав перед зеркалом, я увидела ужасный синяк, расплывшийся по моей талии.

— Вот чёрт, — прошептала я. — Ну как так? Никита ты совсем не умеешь держать себя в руках.

Я подошла к аптечке и вытащила средство от гематом. Ак-

куратно нанеся мазь на живот, я переоделась и легла спать.

Утро началось с резкого звонка будильника. На часах было шесть утра. Я встала и направилась в душ. После водных процедур я завила локоны, нанесла яркий макияж с любимыми стрелками и помадой цвета горького шоколада. Подобрав наряд для университета, я решила выйти на балкон подышать свежим воздухом.

Я медленно потянулась, наслаждаясь прохладой утра.

— Доброе утро, — проговорил мужской голос.

Я повернула голову вправо и увидела Руслана. Теперь я поняла, почему он сказал про *«удачную»* комнату: наши балконы соединялись.

— Доброе утро, — ответила я ему.

Он сидел в кресле, потягивая сигарету. На нём были только чёрные джинсы, а его торс был полностью обнажён.

Я улыбнулась и посмотрела на него с хитрой ухмылкой:

— Это ты так пытаешься привлечь моё внимание?

Он рассмеялся:

— Кто бы говорил.

И он указал на меня. Только сейчас я осознала, что стою в пижаме с топом на тонких бретельках, в котором очень хорошо просматривалась моя грудь. Я резко прикрылась руками и вскрикнула:

— Не смотри!

Он рассмеялся ещё громче:

— Ладно-ладно, не буду.

Отвернувшись к перилам, он спросил:

— Откуда синяк?

Я перевела взгляд на свой бок и тихо сказала:

— Да это так... неудачно упала в ванне.

— Гм... Ладно, летчица. Мне пора.

Он потушил сигарету и направился к выходу с балкона.

На прощание обернулся и добавил:

— Зачётные ножки! — после чего закрыл за собой дверь.

Я вся вспыхнула от стыда. Да как он смеет вгонять меня в краску! Не долго думая, я быстро покинула балкон. Стоя у двери своей комнаты, я чувствовала, как бешено колотится сердце.

— Боже, какой позор... Представиться в таком раскрепощённом виде... Я теперь не смогу смотреть ему в глаза...

Отбросив эти мысли, чтобы ещё больше не вгонять себя в краску, я отправилась одеваться. Выбрав строгий, но элегантный образ, я надела брюки прямого кроя, свежую рубашку и накинула сверху чёрный кардиган. На ноги — туфли на высоком каблуке, а на руку — новые изящные часики. Через плечо кинула сумку и, взглянув на себя в зеркало, направилась вниз.

В холле меня уже ждал Эдуард — в кавычках «папочка».

— Доброе утро, — сказал он, тепло улыбнувшись.

— Доброе утро и вам, — ответила я сдержанно.

— Вот, держи, — Эдуард протянул мне небольшой судочек.

— Что это? — проговорила я с любопытством.

— Бабушка Маша приготовила для тебя лёгкий перекус.

Я взяла судочек и аккуратно положила его в сумку.

— Спасибо ей, это очень кстати, — сказала я с искренней улыбкой.

В этот момент в зал спустился Роберт. Он поздоровался, его улыбка была хищной, а взгляд — вызывающим.

— И тебе привет, явочка, — произнёс он с усмешкой.

Я в недоумении повернулась к нему, но решила не отвечать. Вместо этого я лишь молча отвела взгляд.

— У вас такие... взаимные отношения? — осторожно поинтересовался отец.

— Да, мы с Лизи очень хорошо подружились, — ответил Роберт, подходя ближе и всё так же улыбаясь мне. — Не так ли, явочка?

В этот момент у Эдуард зазвонил телефон. Он выслушал собеседника и коротко ответил:

— Хорошо, я понял. Направьте её в сервис.

Отложив телефон, он обратился ко мне:

— Ты готова, Лизи?

— Да, — ответила я.

— Пойдём, сегодня я тебя отвезу, — сказал отец.

Я удивлённо вскинула брови:

— Почему ты?

— У твоего водителя что-то с машиной, не сможет сегодня, — пояснил он.

Тут вмешался Роберт:

— А давайте я! Мне всё равно по пути. А у вас, Эдуард Алексеевич, и так много дел, — с лучезарной улыбкой проговорил Роберт, словно только что предложил величайшую милость миру.

Эдуард посмотрел на него с сомнением, чуть нахмурившись:

— Тебе точно удобно будет?

— Конечно! Как я могу отказать в помощи вашей маленькой Лизи? — Роберт театрально развёл руками, чуть ли не поклонившись в сторону отца. Его голос сочился приторной любезностью, от которой у меня зачесались кулаки.

Я закатила глаза так сильно, что, кажется, увидела собственные мозги, и процедила:

— Знаете ли... Мне бы, наверное, всё же было удобнее с тобой, «папочка», поехать, — я натянуто улыбнулась, вложив в это слово всю возможную иронию.

— Ну что ты! Совсем не уважаешь отца? Он занятой человек, старается ради семьи, — Роберт приобнял меня за плечо с такой силой, будто собирался не сопроводить, а конвоировать. Он настойчиво потянул меня к выходу, а я начала слабо сопротивляться.

— Но... но... — пыталась возразить я, пока он буквально подталкивал меня к двери.

— Не переживай, язвочка. Ничего я тебе не сделаю, — усмехнулся он и буквально вытолкнул меня за дверь.

Выйдя за пределы дома, я резко развернулась, чувствуя, как закипает кровь.

— Язвочка?! — яростно выпалила я. — Лизи! Лизи меня зовут! Запомни это!

Не смей меня так называть!

— Да-да, язвочка, конечно! — он заливисто рассмеялся мне вслед, будто я только что выдала гениальную шутку. — Садись давай!

Во дворе стоял ослепительно белый Mercedes-Maybach S650 — настолько роскошный, что выглядел почти вызывающе.

— А поскромнее машины не нашлось? — крикнула я ему, стараясь скрыть лёгкое восхищение.

— Ты что! Это самая скромная! — парировал он с абсолютно серьёзным лицом, но глаза его смеялись.

Дверь мне открыл прислуга. Я села на переднее сиденье и тут же пожалела об этом: слишком близко к нему, слишком... напряжённо. Атмосфера между нами густела, как грозовая туча.

Мы выехали за пределы двора. Роберт вёл машину ослабленно, одной рукой держа руль, другой — поигрывая пальцами в такт музыке, доносившейся из динамиков.

— Ну что ты такая дерзкая? Боишься меня? — он перевёл на меня взгляд, иронично улыбнувшись. В его глазах плясали черти.

Я повернулась к нему всем корпусом и с напором ответи-

ла:

— Не кажется ли тебе, что это ты должен меня бояться? Он расхохотался так громко, что вздрогнули зеркала заднего вида.

— Это очень мило выглядит, когда ты злишься! Прямо как котёнок, который пытается напугать льва.

Я демонстративно сложила руки на груди, надула губы и отвернулась к окну. Больше с ним не разговаривала. Пусть сам с собой беседует.

Вскоре ему позвонили. Он ответил, и его тон мгновенно изменился:

— Алло... Да, дорогая моя... Когда?.. Конечно, я приеду за тобой...

Что за вопросы! Дорогая, давай не надо... Потом обсудим... Ну не начинай...

Я сделала вид, что мне совсем не интересно, и уставилась в окно, но краем уха всё равно ловила обрывки разговора.

Роберт начал злиться: рука на руле сжалась крепче, косяшки побелели.

Он бросил трубку и оскалился. Перевёл взгляд на меня — теперь в нём не было ни капли веселья.

— Язвочка, ты меня прости... — медленно произнёс он.

Он прижался к тротуару и начал медленно останавливаться.

— Но дальше ты сама.

Я удивлённо подняла на него округлившиеся глаза:

— Что?

— Ну что-что? — сказал он, пожимая плечами с нарочитой небрежностью. — Вызовешь себе такси.

Я молча открыла дверь и вышла из машины. Он опустил окно и прокричал, трогаясь с места:

— Пока, язвочка! Удачного дня!

Я смотрела вслед удаляющемуся белому гиганту, стискивая кулаки.

«Вот урод! — пронеслось в голове. — Никогда больше с ним не поеду! Лучшие пешком десять километров пройду!»

Минут десять я просидела на лавочке в ожидании такси, злясь на Роберта, на себя, на весь мир. В итоге опоздала на первую пару, получила недовольный взгляд преподавателя и ещё больше разозлилась. *«Спасибо» за помощь, Роберт.*

Спустя половину пар мы с Ксюша спустились в буфет. Я достала свой судочек, в котором лежало два сэндвича. Один из них я отдала подруге, и мы принялись обедать.

Я начала рассказывать Ксюша о своём знакомстве с Русланом и о том, как Роберт сегодня меня подвёл.

— Представляешь, он просто оставил меня одну посреди улицы! — возмущённо сказала я.

Ксюша сидела и пыталась сдержать смех.

— Лизи, прости, но это смешно, — не выдержала она и рассмеялась.

— Ксюша, крошка, это вообще не смешно! — нахмурилась я.

Но она продолжала смеяться. Тогда я прищурила глаза и попыталась перевести тему:

— А как там Эрик и его подготовка к вечеринке?

Ксюша перестала смеяться и посмотрела на меня с грустью.

— Он сейчас очень занят. Какие-то проблемы по работе. Не пишет, не звонит... — расстроено сказала она.

— Ну не грусти, — подбодрила я. — Это же не значит, что он про тебя забыл.

— Та дело не в этом, Лиз. Обидно то, что ему некогда уделить мне даже кроху своего времени, — вздохнула Ксюша.

Я подвинулась к ней и обняла:

— Ну не кисни. У тебя если что есть запасной вариант.

Ксюша удивлённо перевела на меня взгляд:

— Кто?

— Ну я, конечно! — сказала я, широко улыбаясь.

Ксюша обняла меня в ответ:

— Конечно, Лиз. Я без тебя никуда.

Вдруг Ксюша встрепенулась:

— Блин, Лиз! Там сидит друг Никиты. Он так пристально на нас смотрит... Надеюсь, он не услышал наш разговор...

Я отпустила Ксюшу и обернулась. Парень понял, что его заметили, сразу же собрался и вышел из буфета.

Я повернулась к Ксюша:

— Неужели он уже подсылает ко мне своих прихвостней, чтобы следить?

— Лиз, я переживаю за тебя. Брось его уже, — протянула Ксюша.

— Да, ты права, — сказала я уверенным голосом.

Мы собрались и пошли на оставшиеся пары.

После занятий я ехала домой очень уставшая. Меня забрал «папочка».

— Как день прошёл? — спросил он.

— Нормально.

— Как поездка с Робертом?

Я не стала говорить, что он высадил меня на полпути.

— Хорошо прошла, спасибо ему, что довёз, — процедила я сквозь зубы. А потом спросила: — Скажи, а можно ли меня будет возить только водитель? Чтобы мне не отвлекать всех вас.

— Конечно, — сказал отец. — Как только сделают машину.

— Спасибо, — коротко ответила я.

Он ласково посмотрел на меня и предложил:

— Может, поедим пирожного в кафе?

Я перевела удивлённый взгляд на него.

— Может, в другой раз? — тихо ответила я. — У меня совсем нет сил.

Даже дерзить ему не хотелось. Пары меня умотали, и всё, о чём я могла думать, — это о том, как только найду Роберта, выскажу ему всё, что думаю о его поступке. Голова гудела от усталости и обиды, и сейчас мне было не до кафе и не до

сладостей.

Придя домой, я поймала Виктора и узнала у него, где находился Роберт.

— Он на заднем дворе с... — не успел он договорить, как я уже убежала, махнув ему рукой: «*Спасибо, Виктор!*».

Двигаясь быстрым шагом к беседкам, я кричала:

— Роберт! Где ты?!

Он вышел из одной из беседок. Я подошла к нему и не сильно его толкнула:

— Роберт, ты урод! Какого чёрта ты меня там оставил?! Я возьму и пожалуюсь папочке на тебя!

В этот момент из беседки вышла девушка, которая выглядела безупречно и сразу привлекла к себе всеобщее внимание. У неё были длинные, идеально уложенные волосы цвета платинового блонда, мягко спадающие на плечи и подчёркивающие изящную линию шеи. Кожа — фарфоровая, ухоженная, с лёгким оттенком загара, придающим ей свежести и особого лоска.

Черты лица — утончённые и выразительные: высокие скулы, аккуратный носик и пухлые губы, которые она подчеркнула яркой помадой. Глаза — большие, миндалевидной формы, с холодным, оценивающим взглядом; их глубокий зелёный цвет делал её взор особенно притягательным и опасным одновременно. На лице красовался вызывающий «смоки-айз», который делал взгляд ещё более выразительным.

Фигура у девушки была стройной и подтянутой — она

тщательно следила за собой. Одета она была по последней моде: дорогие бренды и эксклюзивные вещи подчёркивали её статус и безупречный вкус. На ней были массивные серьги, браслеты, брендовая сумка и туфли на высоких каблуках.

— Кто это? — с безразличностью спросила девушка, потирая голову и вздыхая.

Тихо, почти шёпотом, он произнёс:

— Да, неудобное знакомство, которого лучше бы и не было.

Затем, чтобы слышали все, добавил:

— Знакомьтесь, Арина — моя невеста.

И натянуто улыбнулся. *«Впервые вижу от него такую неискреннюю улыбку»*, — подумала я.

— Арина, дорогая, это Лизи, дочь Эдуарда Алексеевича.

Арина резко вскинула подбородок, её глаза сверкнули яростью, а губы скривились в презрительной усмешке. Она шагнула к Лизи, словно хотела раздавить её одним взглядом.

— Ты что, издеваешься?! — взвизгнула Арина, театрально всплеснув руками. — Какая ещё дочь?! Ты хоть в зеркало себя видела? Какая безвкусица! Ты же... ты же как тень! Как прислуга, которую забыли отпустить домой! Роберт, ты серьёзно? На вот это ты меня променял?!

Её голос сорвался на фальцет, она топнула ногой.

Лизи выпрямилась, её щёки вспыхнули, но взгляд остался твёрдым. Она сделала шаг вперёд, оказавшись почти лицом к лицу с Ариной. Посмотрев на Роберта, она резко ответила:

— Роберт, успокой свою фарфоровую куклу— процедила я, скрестив руки на груди. — А то фарфор ведь так легко бьётся. Особенно если его уронить... случайно.

В моём голосе звенела сталь. Я чуть наклонила голову, разглядывая соперницу с холодным интересом.

— А безвкусица — это, видимо, когда на тебе не висит половина ювелирного магазина? Прости, я не знала, что для тебя стиль — это количество карат.

Арина задохнулась от возмущения. Её лицо пошло красными пятнами.

— Да как ты смеешь?! Роберт! Ты слышишь, как она со мной разговаривает?! Убери её отсюда! Немедленно!

Она уже почти кричала. Её идеально уложенные волосы растрепались, а в глазах стояли злые слёзы.

Лизи усмехнулась, не отводя взгляда.

— Роберт занят, Арина. Он пытается придумать, как объяснить тебе, что твой цирк уже всем надоел. Может, тебе валерьянки принести? Или сразу смирительную рубашку? А то ведь и правда что-нибудь разобьёшь... например, свой нос об пол.

Арина издала нечленораздельный вопль и рванулась было к Лизи, но Роберт крепко схватил её за плечи, удерживая на месте. Её истерика достигла пика: она вырывалась, сыпала проклятиями и обещаниями стереть Лизи в порошок, пока Роберт силой уводил её. Арина грозно смотрела на Лизи, но шла за Робертом. Она двигалась с грацией и уверенностью,

её осанка была идеальной. Она знала, как выгодно себя подать, и умело использовала свою внешность как инструмент для достижения целей. Её образ — это сочетание роскоши, стиля и холодной красоты, которая притягивает взгляды, но не вызывает доверия.

Я отряхнула руки, словно они были грязными.

— Фу, омерзительная особа, — сказала я удаляющимся в дом Роберту и Арине.

— Лучше бы я поехала кушать пирожные с отцом, — произнесла вслух и вздохнула.

Хм, а, собственно говоря, ещё не поздно. Надо отвлечься от этой неприятной сцены.

И я решительно направилась искать отца.

Тем временем Арина и Роберт в доме

— Нет, ну ты слышал, Роберт? Как она вообще смеет так со мной разговаривать?! — Арина металась по комнате, словно загнанный зверь, её голос срывался на крик, а в глазах плескалась неподдельная ярость. Она резко развернулась у окна, сжала кулаки и продолжила, задыхаясь от возмущения: — Появилась неизвестно откуда, и тут же начала внедряться в нашу семью, влезать в наши дела, пытаться занять моё место! Да я её в порошок сотру, слышишь?! В порошок!

Она остановилась на мгновение, тяжело дыша, и сжала пальцами край шёлковой шторы, чуть ли не разрывая её.

— Эдуарда Алексеевича явно обманули, когда отдавали ему это... под предлогом дочери! — выпалила Арина, делая акцент на последнем слове с ядовитой насмешкой. — Да-да, она даже на него не похожа! Ни единой черты! Ни взгляда, ни жеста, ни манеры! Всё фальшиво, всё наиграно!

Роберт молча сидел в глубоком кожаном кресле у камина, наблюдая за её нервными шагами. Пламя в камине подрагивало, отбрасывая неровные тени на стены, а в комнате повисло тяжёлое напряжение. Он слушал поток оскорблений в адрес Лизи, и его терпение, и без того истончившееся до предела, наконец иссякло.

Резко поднявшись, он с силой ударил кулаком по тяжёлому дубовому столу, стоявшему рядом. Звук удара эхом разнёсся по комнате, заставив хрустальную вазу на полке едва заметно дрогнуть. Арина вздрогнула и замерла от неожиданности, широко раскрыв глаза.

— Заткнись, Арина, — его голос прозвучал холодно и угрожающе, словно лезвие ножа. — И запомни раз и навсегда: Лизи неприкосновенна. Не смей ей что-либо сделать. Даже в её сторону не смей смотреть. Ты меня поняла? — грубо добавил Роберт, впившись в неё тяжёлым, немигающим взглядом. В его глазах читалась твёрдая решимость, а сжатые челюсти выдавали сдерживаемый гнев.

Арина на мгновение замолчала, её лицо побледнело, а дыхание стало прерывистым. Она медленно подошла к креслу и села рядом с Робертом, опустив взгляд. На мгновение в ком-

нате повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь треском дров в камине.

Она включила всё своё обаяние — то самое, что когда-то покорило Роберта. Нежно провела рукой по его волосам, слегка коснулась плеча и тихо, почти шёпотом, произнесла:

— Прости, милый. Я тебя поняла.

Её голос звучал покорно, взгляд — смиренно, а улыбка — мягко и искренне. Но в глубине души, за этой безупречно разыгранной маской, уже зрел коварный план.

«Я всё равно избавлюсь от этой Лизи, — зло подумала Арина, пряча ненависть за маской покорности. — Рано или поздно. И тогда ты, Роберт, снова будешь только моим».

Она чуть склонила голову, прижалась к его плечу и прикрыла глаза, изображая раскаяние. Но внутри неё кипела буря — буря, которая только ждала подходящего момента, чтобы вырваться наружу.

Глава 2

Вечеринка

**Начало дня бывает светлым и весёлым,
а финал - совсем иным: порой всё может
завершиться страшным похмельем с утра**

Екатерина К

Лизи

Я попросила Эдуарда заказать мне стилиста, потому что ну уж очень хотелось выглядеть на вечеринке по-настоящему шикарно. Мы с Ксю собирались пойти туда вместе, и я не могла упустить такой шанс блеснуть. Как сказала Ксю, я, кажется, вытянула счастливый билет, поэтому с удовольствием наслаждалась своими новыми возможностями.

Я надела свой новый наряд — коричневый комбинезон с открытыми плечами и высоким воротником. В уши вдела те самые серьги, которые мне подарила Майя: крупные, золотого цвета, они добавляли яркости и завершали образ. В руке держала чёрный кожаный клатч, а на ногах были чёрные бо-соножки на высоком каблуке. Макияж сделали в стиле рас-тушеванной стрелки, а волосы собрали в элегантный пучок

сзади, оставив две пряди, которые красиво спадали на лицо.

Ксюша приехала ко мне — мы договорились ехать вместе, нас должен был отвезти мой личный водитель. Она радостно вошла в комнату, когда я ещё сидела на стуле: мне как раз доделывали причёску.

— Привет, Лизи! — воскликнула она.

— Как же я рада тебя видеть! — произнесла я, оглядывая её образ.

На Ксю был белый топ со свободными широкими рукавами, собранными у плеч, с глубоким вырезом, открывающим плечи и верхнюю часть спины. Брюки — в цвет топу, широкие клёш с высокой талией. На ногах — белые туфли на небольшой шпильке с закрытым носиком. Волосы лёгкой волной спадали с плеч.

— Ты шикарно выглядишь, Ксю! — произнесла я.

— Спасибо, ты тоже красотка! — ответила она.

Когда причёска была готова, я встала, обняла Ксю и сказала:

— Ну что, время веселиться!

Ксю мило улыбнулась. Она не видела Эрика почти месяц и с трепетом ждала его вечеринки: из-за своих проблем он переносил её каждую неделю.

— Да, Лизи, с трепетом ответила она.

Мы направились к выходу из комнаты. В холле нас встретила Майя с папочкой.

— Привет, девочки! — сказала она. — Выглядите потря-

сающе! А какие у тебя серьги, Лизи! — подмигнула она мне.

— Да, спасибо вам за подарок, они очень красивые! — поблагодарила я.

— Куда вы направляетесь? — спросил отец.

— На вечеринку! — сказала я, подталкивая Ксюшу ближе к выходу. — Вы же не против?

— Конечно нет, веселитесь, девочки! — ответил он.

— И вы тоже! — крикнула я, выходя на улицу.

— Быстрее веселиться! — крикнула я озорно Роме, и машина тронулась с места.

Подъехав к ресторану, нам открылся вид на вход: он был оформлен в виде массивной деревянной арки, увитой живыми цветами и густой зеленью.

«Вот это роскошь», — тихо сказала я, и мы вошли внутрь.

Внутри царил полумрак, разгоняемый мягким светом изящных светильников над каждым столиком. Мебель была массивной: деревянные столы с плетёными креслами создавали ощущение уюта и богатства одновременно.

К нам подошёл администратор:

— Здравствуйте! — произнёс он учтиво. — Могу я узнать ваши имена?

Он открыл свою книжку; *видимо, там был список гостей. Я подумала об этом про себя.*

Ксюша произнесла наши имена. Он принялся листать страницы довольно недолго, посмотрел на нас и сказал:

— Пройдёмте, я вас провожу.

Нас проводили в совершенно другое помещение — VIP-зону. Зайдя туда, я удивилась количеству приглашённых гостей. Я наклонилась к Ксюше и спросила шёпотом:

— И он их всех знает?

Ксюша пожала плечами, продолжая идти вперёд. Я обратила внимание, что ей было немного неловко от такого внимания.

Нас привели напрямиком к Эрику. И тогда Ксюша буквально засветилась от счастья.

— Привет... — робко сказала она, когда мы подошли ближе к нему.

— Здравствуй, малышка! — ответил он ей игриво улыбаясь. — Ты потрясающе выглядишь!

Он перевёл на меня взгляд:

— Привет! Коротко сказал он мне.

Я так же ему ответила:

— Привет, Эрик!

Я посмотрела на него внимательнее. Эрик Дью — молодой человек, которому на вид не дашь больше двадцати. У него правильные, чуть резковатые черты лица: прямой нос, чётко очерченные скулы и внимательный, пронизывающий взгляд серых глаз. Волосы светлые, аккуратно уложены; рост выше среднего, телосложение спортивное — сказывается привычка к дисциплине и занятиям спортом. Одевается Эрик стильно и сдержанно: предпочитает качественные костюмы и до-

рогие аксессуары без излишней вычурности.

Улыбнувшись ему в ответ, я перевела взгляд на подругу. Он развернулся к Ксюше:

— Я так соскучился по тебе...

Он взял её за руку, притягивая к себе и увлекая в объятия.

Мне стало неловко; почувствовала себя лишней в этом моменте близости двух влюблённых сердец.

«А есть ли тут бар?» — подумала я вслух.

— Да! Попроси администратора тебя проводят! — сказал Эрик через плечо.

И я удалилась в сторону бара, оставив их наедине.

Ксюша и Эрик

Я уткнулась носом ему в плечо, вдыхая родной аромат его парфюма вперемешку с запахом дорогого одеколona.

— Я тоже скучала по тебе, Эрик...

Ты мне совсем не звонил, не писал... Я подумала, что ты про меня забыл... — грустно вздохнула я.

Он немного отстранился:

— Прости меня, малышка. У меня просто было очень много дел... Но ты же знаешь: я про тебя никогда не забуду!

Он снова притянул меня к себе и поцеловал в макушку так нежно, что у меня защемило сердце.

— Пойдём! — сказал он загадочно. — У меня есть для тебя небольшой сюрприз...

И он увёл меня подальше от чужих глаз вглубь ресторана. Мы вышли на задний двор заведения: тут почти никого не было кроме персонала. Дорожка была усыпана лепестками красных роз; они вели к одинокой беседке у озера. В сумерках это выглядело волшебно: огни на деревьях начали зажигаться один за другим по мере нашего приближения.

Я повернулась к нему:

— Боже мой... Как красиво!

Он мило улыбнулся:

— Для тебя старался...

Мы прошли в беседку. На столе уже стоял красивый большой букет белых роз — её лепестки казались фарфоровыми в свете гирлянд.

Войдя внутрь беседки мы сели на скамью с мягкими подушками. Эрик взял розы из вазы и торжественно подарил их мне:

— Держи, малышка! Это для тебя!

Я вдохнула аромат цветов:

— Они прекрасны... Эрик...

Он взял меня за руку и начал серьёзный разговор:

— Ксюша... Мы с тобой дружим уже больше пяти лет... Наша дружба началась со случайной встречи в кафе... Помнишь? Когда ты пролила на меня кофе?

Я сдержанно хихикнула:

— Тогда я опаздывал на подписание документов и был очень зол... А ты дала мне свой телефон и сказала, что отне-

сёшь мой костюм в химчистку и возместишь доставленную неприятность...

Он усмехнулся своим воспоминаниям:

Я ходил с твоим номером в кармане целую неделю!

— Да... так и не позвонил... Я рассмеялась.

— А потом была вторая ситуация... Уже не вспомню через какой промежуток времени... Мы встречаемся с тобой в дождливую погоду... Я случайно облил тебя водой из лужи...

Я расхохоталась:

— Я тогда была вся мокрая после чего заболела на неделю!

Эрик кивнул:

— Да... Это была наша уже вторая встреча после которой я подумал: *«Наверное это не просто так всё случается»*...

И началось наше с тобой общение...

Так вот к чему я всё это виду....

На то время ты была слишком маленькой для меня. Но на протяжении пяти лет я наблюдал, как ты росла, менялась, как из девочки превратилась в настоящую, красивую девушку.

Я задумалась: к чему он ведёт? Моё сердце начало колотиться так сильно, что, казалось, его стук заглушает музыку в зале.

— В общем, Ксюша... Ты будешь моей девушкой?

Я замерла от неожиданности. Повисло неловкое молчание. Эрик начал волноваться, нервно потирая затылок. Я

моргнула, возвращаясь в реальность, и улыбнулась так широко, как только могла.

— Да! — радостно сказала я. — Конечно, буду!

Я крепко-крепко обняла Эрика, чувствуя тепло его тела и запах дорогого парфюма.

Лизи

Я решила, что мне пора покинуть компанию Ксюши и Эрика. Внезапно я почувствовала себя среди них лишней, чужой. Не оглядываясь, я направилась к бару, мысленно усмехаясь: «Интересно, а несовершеннолетним здесь продают алкоголь? Хотя мне через месяц исполнится восемнадцать — я уже могу считать себя взрослой».

Устроившись в самом неприметном углу стойки, я заказала бокал шампанского и с любопытством обвела взглядом зал. Вокруг царила атмосфера утончённости: играла классическая музыка, гости стояли парами или небольшими группами, ведя светские беседы. Мой взгляд случайно зацепился за знакомые силуэты, и я резко отвернулась, чувствуя, как сердце пропустило удар.

«Блин, что они тут делают?» — пронеслось в голове. В двух столах от меня стояли Руслан и Роберт. Я пришла сюда веселиться, а не слушать ироничные замечания последнего.

В этот момент рядом со мной опустилась девушка и мелодично попросила у бармена мартини. Я сидела к ней спиной, но её голос заставил меня вздрогнуть. Медленно повер-

нувшись, я встретила взглядом с Ариной. Избежать этой встречи было уже невозможно.

— Арина, — произнесла я с едва заметной язвительной ноткой.

— Здравствуй. Протянула я.

Она перевела на меня взгляд, и в её глазах сверкнула неприкрытая злость.

— Ты? Что ты тут забыла? Считаешь, если нарядилась и надела дорогой наряд, то можешь влиться в наш круг? Не выйдет.

Краем глаза я заметила приближение знакомых фигур.

— Привет, — одновременно сказали парни.

— Привет, — улыбнулась я в ответ.

— Язвочка, ты тоже приглашена на вечеринку? — ехидно спросил Роберт.

— Да, у моей подруги друг — организатор. Вот она меня и взяла с собой.

Арина тихо прошипела так, чтобы слышала только я:

— Ещё бы тебя кто-то сюда пригласил, если бы не твоя подружка.

Я перевела на неё тяжёлый взгляд:

— Что ты сказала? — хищно бросила я.

Арина отвела глаза и пробормотала:

— Да ничего... Рада, что тебя тоже пригласили, — процедила она сквозь зубы.

В этот момент Руслан посмотрел прямо на меня. Его

взгляд был тёплым и внимательным.

— Хорошо выглядишь. Тебе очень идёт.

— Спасибо, — улыбнулась я, переставляя ног на ногу.

Он проследил за этим жестом.

— Не хочешь потанцевать?

Я удивлённо вскинула брови. «*Потанцевать?*» — мысль показалась мне неожиданной, но приятной.

— Ну... можно, — проронила я неуверенно.

Руслан протянул мне руку. Я вложила свою ладонь в его — она была мягкой и тёплой. Мы направились в центр зала. Я положила свободную руку ему на плечо, а он осторожно, не прижимая ладонь, а лишь касаясь пальцами моей талии, обнял меня. Мы начали медленно кружиться в танце

— Ты бы поосторожнее была, ходя по таким мероприятиям, — начал Руслан низким голосом у самого моего уха.

— Это ещё почему?

— Потому что ты не знаешь всех правил и людей в своём окружении.

Я гордо вскинула подбородок:

— Я могу за себя постоять.

Он улыбнулся уголками губ:

— Ни капли не сомневаюсь в твоих способностях. Я помню нашу встречу в библиотеке.

Я смутилась, вспомнив тот удар. Но он тут же посерьёзнел:

— Но я не об этом. Ты не знаешь, куда тебя могут втянуть

под видом искреннего общения.

Я посмотрела ему прямо в глаза:

— Тебя мне тоже остерегаться?

Он притянул меня чуть ближе к себе. От неожиданности я затаила дыхание. Его улыбка стала шире, обнажая красивые клыки.

— Меня? Мы же родня. Я тебя и пальцем не посмею тронуть... Или... — он сверкнул глазами с озорным вызовом. — Хочешь выпить?

Мы закончили танец. Он подозвал официанта, заказал мне ещё шампанского, себе — виски, и мы вместе покинули душный зал, выйдя на свежий воздух к беседкам у озера.

Мы шли по тропинке и мило беседовали. Мне было так комфортно с этим человеком, что я невольно задумалась: Никита и рядом с ним даже близко не стоял.

— Значит, у тебя своя сеть отелей? — с интересом спросила я.

— Да, даже в других странах, — продолжая разговор, ответил он.

Я шла рядом, слушая его рассказ о работе. Невольно заметила, что даже на каблуках я была ниже него. Мы дошли до красивой резной беседки у самой кромки воды и сели внутри. Нам принесли новую бутылку шампанского.

Руслан наполнил мой бокал.

— А ты? — спросила я.

Он улыбнулся:

— На сегодня мне хватит. Завтра очень много дел по работе.

Я понимающе кивнула и сделала глоток. Он посмотрел на меня так, что я почувствовала жар на щеках. Протянув руку, он нежно заправил выбившуюся прядь моих волос за ухо.

Я слегка покраснела от этого интимного жеста.

— Ты такая красивая... У тебя такие большие, выразительные глаза...

Я чуть наклонилась к нему и с ироничной улыбкой спросила:

— Ты что, заигрываешь со мной?

Он тихо рассмеялся — у него был красивый бархатный смех с едва заметной хрипотцой:

— Даже если так... Мне кто-то запрещает?

В наших глазах на мгновение вспыхнула искра. Я ощутила покалывание на ладонях от его близости и поняла: *«Боже, он же мне нравится»*.

Мы сидели в беседке, и я, увлечённая разговором и теплом его присутствия, допила почти всю бутылку. Голова приятно кружилась, мир вокруг начал плыть, а звуки стали приглушёнными, словно доносились сквозь толщу воды. Руслан наблюдал за мной с лёгкой улыбкой. Я улыбнулась ему — игриво и немного безрассудно, уже особо ни о чём не думая.

— Лиз, может, хватит? — мягко спросил он, когда я потянулась за очередным бокалом. — Ты уже достаточно выпила.

Я лишь фыркнула и сделала большой глоток, чувствуя,

как пузырьки щекочут нос.

— Не будь занудой, Руслан. Я хочу расслабиться. Здесь так хорошо... и ты рядом.

Я откинулась на спинку скамьи и посмотрела на луну, отражающуюся в тёмной воде озера. Алкоголь развязал мне язык, и я почувствовала внезапную потребность выговориться.

— Знаешь... — начала я, не глядя на него. — Я ведь всегда чувствовала себя чужой. Везде. Даже сегодня. Арина... она права. Я не из вашего круга.

Руслан молчал, давая мне возможность продолжить.

— Я привыкла быть сильной. Всегда сама за себя. Но иногда так устаёшь быть сильной... — мой голос дрогнул. — Иногда хочется просто быть слабой. Чтобы кто-то был рядом. Настоящий.

Я повернулась к нему. Его лицо было в тени, но я чувствовала его взгляд.

— Ты... ты совсем другой. С тобой я не боюсь быть собой. Не боюсь показаться глупой или наивной.

— Руслан, ты такой хороший... — протянула я, глядя на него затуманенным взглядом. — Почему мой парень не может быть таким же? Заботливым, добрым, внимательным...

Слова полились сами собой, подгоняемые алкоголем и внезапной смелостью.

— Я постоянно побитая, вся в синяках. Я не могу и шага без его разрешения сделать... — мой голос дрогнул, но я

упрямо продолжила. — Правильно мне Ксюша говорит: надо уходить от него.

Я невольно покачнулась, вставая с диванчика, и Руслан тут же оказался рядом, поддерживая меня за локоть. Его прикосновение было надёжным и крепким.

Я подалась вперёд и коснулась его руки.

— Почему ты так смотришь на меня? Как будто видишь что-то... особенное.

Руслан накрыл мою ладонь своей. Его пальцы были горячими.

— Мне кажется тебе уже достаточно — с улыбкой он произнес, внимательно всматриваясь в моё лицо. В его голосе не было осуждения, только глубокая, почти болезненная задумчивость.

Он осторожно усадил меня обратно, присев рядом на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне.

Руслан молчал несколько долгих секунд, его пальцы всё ещё сжимали мою руку. Затем он поднял взгляд, и в его глазах я увидела не просто сочувствие, а что-то гораздо более тёмное и опасное.

Он придвинулся ближе, и я ощутила его дыхание на своей щеке.

— Ты спрашивала про своего парня... — его голос стал ниже, в нём появились стальные нотки. — Он не ценит тебя так, как ты заслуживаешь.

— Ты не должна это терпеть, Лизи. Никто не имеет права

так с тобой обращаться. Никто.

Его голос стал жёстким, почти металлическим.

— А ты? — прошептала я, глядя ему в глаза. — Ты бы ценил?

Между нами повисло напряжение. Воздух стал густым и тяжёлым.

— Я бы оберегал тебя, — серьёзно сказал он, заправляя прядь моих волос за ухо. — От всего мира. От таких, как Арина. От таких, как твой парень.

— Если ты решишься уйти... я помогу. Я сделаю так, что он тебя больше никогда не тронет.

В его словах прозвучала неприкрытая угроза, но мне было всё равно. В тот момент я верила каждому его слову. Я пьяно улыбнулась и потянулась к нему, обхватив за шею.

— Ты такой хороший... — слова прошептала я ему в губы. Его большой палец медленно провёл по моей скуле.

— Ты играешь с огнём, Лизи, — выдохнул он мне в губы.

И не стал сдерживаться. Его поцелуй был требовательным и властным, он словно пытался вытравить из меня память о боли и страхе, заменив их собой. Я ответила ему с отчаянной готовностью, цепляясь за его плечи, чтобы не упасть в эту сладкую бездну.

В этот момент для меня не существовало ни прошлого с синяками, ни будущего с его неизвестностью. Был только Руслан и его обещание защитить меня от всего мира.

Отстранившись, я вдруг осознала: *«Божже, что я творю?»*

— Это всё потому, что тут не спрашивают паспорт, — с ухмылкой протянула я.

— Паспорт? — Руслан округлил глаза.

— Ну да — выдавила я. — Мне же нет восемнадцати.

Руслан поперхнулся воздухом, а я мило улыбнулась.

Папочка меня наверное убьёт, если узнает, что я написала! Беспечно махнула рукой, чуть не сбив бокал со столика. — И это очень неудобно получилось.

— Он не узнает, — Руслан заговорщически понизил голос.

— Да пусть даже узнает — крикнула я

— Двенадцать лет где-то пропадал, а теперь собирается в «дочки-матери» играть!

— Где мой телефон? — я воинственно упёрла руки в бока, но тут же покачнулась. — Я сейчас позвоню и всё ему выскажу!

Я потянулась к сумке, но Руслан ловко выхватил её прямо у меня из-под носа.

— Эй, отдай! — возмутилась я.

В этот момент к нам вальяжной походкой подошёл Роберт. В одной руке он держал бокал с виски, в другой — свой фирменный невозмутимый вид.

— Ты! — воскликнула я, направляясь к нему по синусоиде. — Парень, оставляющий девушек в трудном положении!

Роберт приподнял бровь, перевёл взгляд на Руслана, потом обратно на меня и изрёк:

— Язвочка, ты что, пьяна?

— Не смей меня так называть! — я пихнула его в грудь.

Попала. Кажется.

Роберт поставил бокал на столик где мы сидели с Русланом.

— Руслан, ты что, её споил? Почему у неё размазана помада?

— ХА, а почему у неё размазана помада? — с хищной улыбкой повторил Роберт, глядя на губы Руслана.

— Шалишь, братишка? — со смехом в голосе сказал Роберт.

Руслан ответил с той же интонацией:

— А что я? Она сама ко мне полезла! — улыбаясь сказал он.

Роберт страдальчески закатил глаза:

— Везунчик — Ухмыляясь протянул он.

А я тем временем, пользуясь всеобщим замешательством, сцапала осиротевший бокал Роберта и залпом осушила его.

— Стой-стой, куда?! — хором крикнули парни.

— Я уже взрослая! Что хочу, то и делаю! — заявила я и решительно сняла туфли. — Так гораздо лучше!

Я перекинула туфли через плечо и гордо направилась в центр зала.

— Ты куда? — окликнул Руслан.

— Та ну, вы зануды! Я пойду закажу себе ещё шампанского!

— Стой! Ты никуда не пойдёшь! Тебе уже достаточно, да и рано ещё! — он перегородил мне путь своей широкой грудью.

Сзади раздался тихий смешок Роберта.

Я резко развернулась и сверкнула в него глазами:

— Тебе что, смешно?

Я шагнула к нему с твёрдым намерением ткнуть пальцем в грудь, но не дойдя и двух шагов, зацепилась ногой за невидимое препятствие и начала эпичное падение.

Парни среагировали мгновенно, поймав меня под руки в миллиметре от пола.

Роберт повернулся к Руслану. Его голос был с ноткой смеха:

— Отвези её домой.

— Куда там? К Эдуарду? Он мне голову открутит! Сказал Руслан

Роберт вздохнул и посмотрел на меня. Я висела между ними, как мокрое полотенце, и пыталась завязать шнурки, которых не было.

— Не открутит. Скажешь ему правду: ты пытался спасти ее репутацию. А я... — он посмотрел на мои босые ноги и туфли на плече, — ...я подтверждаю.

Руслан легко перекинул меня через плечо и уверенно направился к выходу через чёрный ход.

— Эй, куда? — воскликнула я, заикаясь от неожиданности.

— Я не хочу домой! — я начала дёргать ногами, а затем резким движением выбросила туфли из руки.

Роберт, шедший за нами следом, ловко поймал их.

— Да-да, язвочка, — усмехнулся он. — Ты не едешь домой.

— Да?! А куда? — удивилась я.

— Как куда? Поедем веселиться! — вмешался Руслан. — Ты же сама сказала, что тут скучно.

— Веселиться! — радостно крикнула я.

Мимо нас проходил официант с широко распахнутыми глазами и новой порцией бокалов шампанского на подносе. Я ухватилась за один из них, повалив остальные.

— Упс, — сказала я и осушила бокал залпом.

Руслан обернулся и произнёс бармену:

— Запишите на мой счёт.

Роберт громко рассмеялся. Мы направились к машине.

Руслан усадил меня на пассажирское сиденье и аккуратно закрыл дверь. Пока они с Робертом разговаривали снаружи, я включила музыку через блютуз, выкрутила громкость на максимум, открыла окно и принялась громко петь.

Мужчины рассмеялись, наблюдая за мной. Руслан сел за руль, вытащил меня из окна, сделал музыку тише, и мы поехали домой.

Я подняла колени на кресло, повернулась к Руслану и стала его рассматривать.

— Ты такой красивый... Такой властный... — прошептала

я и потянулась к его щеке рукой.

Он перехватил мою ладонь и улыбнулся:

— А ты такая пьяная. Не будешь ли жалеть завтра?

— Жалеть? — надула я губки. — О чём? Прекрасный же день! И я прекрасно себя чувствую...

Руслан лишь оголил свои милые клыки в улыбке. Я перевела взгляд на ночной город за окном и оставшуюся часть пути ехала молча, заморожено глядя на переливающиеся огни. К концу поездки я уснула.

Руслан

Мы доехали до дома. Я заглушил двигатель, и в наступившей тишине звук моего неровного дыхания показался оглушительно громким. Я повернулся к Лизи и замер, замороженный. Она спала в кресле, свернувшись калачиком, словно маленький беззащитный зверёк, и прижала к себе ножки, будто искала тепла и защиты.

Её лицо было таким умиротворённым — ни тени тревоги, ни следа дневных забот. Ресницы отбрасывали тонкие тени на щёки, губы чуть приоткрылись, а прядь волос упала на лоб, придавая ей ещё более трогательный вид. В салоне машины царил полумрак, и мягкий свет уличного фонаря очерчивал силуэт Лизи, создавая вокруг неё едва заметное золотистое сияние.

«Боже, какая она красивая... Как я мог так вляпаться?» — пронеслось у меня в голове, и сердце забилось ча-

ще. Внутри разливалась горячая волна нежности, смешанная с чем-то более глубоким, почти пугающим в своей силе. Я вдруг осознал, насколько она мне дорога — настолько, что от одной мысли о расставании становилось тяжело дышать.

Стараясь не потревожить её сон, я осторожно вышел из машины. Дверца закрылась почти бесшумно — я специально следил за этим. Затем я наклонился к Лизи, на мгновение замер, любуясь её безмятежным лицом, и бережно подхватил её на руки.

Она даже не проснулась — только чуть вздохнула, инстинктивно прижалась ко мне и уткнулась носом в изгиб шеи. От этого простого жеста у меня перехватило дыхание. Я ощущал тепло её тела, слышал тихое, ровное дыхание, улавливал едва заметный цветочный аромат её волос. Каждая клеточка моего существа откликалась на её близость — это было похоже на электрический разряд, мягкий, но ощутимый.

Я двинулся к дому, ступая максимально тихо, почти крадучись. Каждый шаг требовал сосредоточенности: я боялся сделать резкое движение, боялся разбудить её, разрушить это хрупкое мгновение. В ушах стучала кровь, а в груди билась одна мысль: *«Только бы никто не встретился...»*

Удача была на моей стороне — коридор оказался пуст, лестница не скрипнула, дверь в её комнату открылась беззвучно. Я занёс Лизи внутрь и бережно уложил на кровать. Мои движения были почти ритуальными — осторожными,

бережными, полными невысказанной заботы.

Сначала я аккуратно расправил её спутавшиеся волосы, затем укрыл мягким одеялом до самого подбородка — так, чтобы ей было тепло и уютно. Поправил складки, разгладил ткань, задержав пальцы на ней чуть дольше, чем требовалось.

Уже собирался уходить, стараясь не шуметь, но вдруг почувствовал, как её пальцы слабо, но настойчиво схватили меня за запястье. От этого прикосновения по коже пробежали мурашки.

— Не уходи... Побудь со мной немного... — прошептала она, не открывая глаз. Голос был сонным, чуть хриплым, но в нём звучала такая искренняя просьба, что у меня защемило сердце.

Я сел рядом с ней на край кровати и осторожно погладил её по руке. Она что-то бормотала себе под нос — неразборчивые слова, обрывки фраз, — но я и не пытался разобрать их смысл. Мне было достаточно просто слышать её голос, видеть, как спокойно вздымается её грудь, чувствовать её тепло рядом.

Через какое-то время дыхание Лизи стало ещё более ровным, глубоким — она окончательно уснула. Я не смог удержаться: наклонился и аккуратно поправил прядь волос, упавшую на её лицо. Пальцы едва коснулись кожи — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по спине пробежали мурашки.

Потом, повинувшись внезапному порыву, а может, просто вспомнив, как сам страдал в такие моменты, я оставил для неё маленький презент на тумбочке у кровати: стакан воды и таблетку от головы. Рядом аккуратно положил записку.

Последний раз взглянув на Лизи — на её умиротворённое лицо, на то, как одеяло мягко очерчивает линии её фигуры, — я тихо, почти бесшумно, вышел из комнаты и направился к себе. В коридоре темнота обволокла меня, но внутри всё ещё горело то самое чувство — тёплое, живое, настоящее. И пока я шёл по лестнице, в голове крутилась одна мысль, отчётливая и неизбежная: *«Я по уши влип...»*

Лизи

Я проснулась на следующее утро с ужасной головной болью. Я всё ещё была в том же комбинезоне, а от макияжа невыносимо чесалось лицо.

На тумбочке стояла вода. Я быстро осушила стакан и направилась в душ, смывая с себя весь вчерашний день. После душа я почувствовала себя немного лучше. Я села на кровать и только сейчас обратила внимание на таблетку лежавшую сверху записки.

От Руслана:

«Виски был 18+. Ты была 17+. Разница в год теперь моя проблема.

P.S. Туфли у меня :)»

Вот чёрт... А что же вчера было? Я ничего не помню.

Я закуталась в одеяло и проспала весь день

Ближе к вечеру, немного придя в себя, я решила выйти на кухню, чтобы перекусить. Перед тем как спуститься, я позвала Аглаю и поинтересовалась, находится ли сейчас в доме Руслан. Аглая ответила, что он куда-то уехал. Я с облегчением выдохнула и направилась вниз.

Подходя к кухне, я столкнулась с отцом.

— Доброе утро... день... вечер... — пробормотала я, слегка заикаясь.

— Привет, Лизи, — с удивлением ответил он. — Ты что, только встала?

— Ах, хах... нет, — дрожащим голосом сказала я. — Мне весь день не здоровилось, только вот спустилась.

— Может, тебя показать врачу? — спросил он серьёзным тоном, потянувшись к моей голове.

— Нет, спасибо, — я отпрянула. — У меня всё в порядке.

— Как скажешь, — кивнул он. — Тогда прошу на кухню.

Он открыл мне дверь, пропуская вперёд. Я прошла, и он последовал за мной.

На удивление, бабушки Маши на кухне не оказалось. Краем глаза я заметила, как папа стал надевать на себя фартук.

— Вы что делаете? — удивлённо спросила я.

— Буду готовить для тебя ужин, — улыбнулся он.

— А как же бабушка Маша?

— Ей сегодня нездоровится, я дал ей выходной.

Я улыбнулась, глядя на него с лёгкой иронией:

— А вы что, умеете готовить?

— Ну вот, сейчас и узнаем, — подмигнул он. — А ты продегустируешь.

Звучало не слишком убедительно, но он уже принялся за дело: стал готовить пасту с беконом. Я наблюдала за его неловкими движениями — как он пытался разобраться с плитой, читал инструкцию на упаковке макарон, а потом, не глядя, потянул не тот органайзер и рассыпал всю муку в воздух, на пол, плиту и на себя. Я открыла глаза, размахивая рукой, чтобы разогнать облако муки, и начала громко смеяться. Отец, весь в муке с головы до ног, увидел мой смех и тоже рассмеялся.

Я вытерла выступившие слёзы:

— Эх, ладно, давай я тебе помогу, папа. Иначе ты тут всё разрушишь. Думаю, бабушка Маша будет не в восторге.

Отец остановился на пару минут. Я подошла к нему, собирая муку со стола в мисочку:

— Эй, ты меня слышишь? — я демонстративно помахала рукой перед его лицом, чуть ли не задевая нос. — Земля вызывает приём!

Он поморгал и спросил:

— Как ты меня назвала?

— Па-па, — тихо сказала я.

У него проступила слеза. Я тут же добавила:

— Ну ты это не зазнавайся, это ещё ничего не значит. Просто «Эдуард» как-то неудобно говорить человеку, который является отцом. А «папочка» — слишком длинно.

Он стряхнул с себя муку и тихо сказал:

— Спасибо...

Папа направился за веником, а я вытерла муку со стола, убрала всё на место и достала ингредиенты для пасты. Он смел муку в совок и подошёл ко мне:

— Так, бери вон ту кастрюлю и ту сковородку.

Пока он выполнял мои поручения, я принялась очищать лук и чеснок.

— В кастрюлю набирай воды где-то среднюю часть и ставь на огонь. И так же сковородку поставь на маленький огонь, пусть нагревается, — командовала я.

Закончив с луком и чесноком, я высыпала их на сковородку и принялась нарезать бекон.

— Так, а теперь достань сливки, одно яйцо и сыр ещё, — сказал я папе.

Он принёс ингредиенты мне:

— Бери тёрку и три сыр.

— А где тёрка? — спросил он.

Я посмотрела на него, кидая бекон уже в сковородку:

— Вот держи.

Как закончишь с сыром, высыпай макароны.

Я помыла руки и пошла помешивать бекон в сковороде.

— Мм, как пахнет! — сказал папа.

— Конечно, я не только кричать могу! — озорно ответила я.

Мы рассмеялись. Папа посмотрел на меня с теплотой:

— Лизи, ты такая умница у меня... Не перестану этого никогда говорить. Но прости меня... прости за всё, что я сделал.

Я перевела на него взгляд:

— Давай-ка эту минорную ноту пока опустим. Не надо такую весёлую ноту превращать в грусть.

Он улыбнулся и сказал:

— Ладно.

Закончив с сыром, он высыпал макароны. После их закипания слил воду и начал высыпать их мне в сковороду:

— Так отлично! Теперь сливки, яйцо и самое последнее — сыр!

Я накрыла крышкой наш кулинарный шедевр:

— Вуаля! — воскликнула я с улыбкой до ушей.

Папа доставал две тарелки:

— Ну что, пора опробовать наш великолепный ужин!

Я взяла тарелку у него из рук и насыпала две порции:

— Так, немного зелени для красоты!

Мы сели вместе ужинать.

— Мм, как вкусно! — сказал папа.

— Правда? — воскликнула я, улыбаясь до ушей. — Я ещё никому не готовила...

— Лизи, у тебя золотые руки! — похвалил он.

— Спасибо, па... Проронила я. И потянула первую вилку

в рот.

— Ммм, божественно! — смеясь, произнесла я. — Я просто бог кулинарии!

Мы рассмеялись, и в этот момент в кухню вбежал Артём, а следом за ним — его няня.

— Ух ты! А чем это так вкусно пахнет? — с искренним любопытством спросил Артём.

Папа тут же подхватил сына на руки и усадил к себе на колени. Я с улыбкой посмотрела на мальчика: Артём был обаятельным ребёнком с яркими, любопытными глазами, в которых всегда читался неподдельный интерес к миру. Его светлые, слегка растрёпанные волосы падали на лоб, придавая ему озорной вид. Он был очень подвижным и ловким, а его улыбка — искренней и заразной, от которой на щеках появлялись милые ямочки.

— Хочешь, я и тебе насыплю? — с улыбкой предложила я Артёму.

— Да-да, я буду! — весело проговорил он.

Я взяла небольшую глубокую тарелочку, насыпала туда пасты и передала мальчику. Он устроился рядом с папой и с удовольствием принялся за еду.

— Ммм, как это вкусно! Прямо как у бабушки Маши! — с набитым ртом воскликнул Артём.

— Это она тебя научила? — спросил он, не переставая жевать.

Мы с папой снова рассмеялись.

— Кушай аккуратно, а то подавишься, — с теплотой сказал папа сыну.

Мне вдруг стало немного грустно. *«Всё же он хороший отец»*, — подумала я про себя, наблюдая за их трогательным общением.

После вкусного ужина и тёплого, пусть и частичного, примирения с папой я незаметно направилась наверх. Захотелось что-нибудь почитать на ночь. Но не успела я дойти до двери библиотеки, как меня окликнули:

— Лизи? — протянул Руслан.

Я обернулась. Он стоял, уперевшись о стену, и хищно улыбался мне, демонстрируя свои клыки.

— Ты что прячешься по углам?

— Нет, конечно, нет, — дрожащим голосом ответила я.
— Я вот просто решила почитать...

Он оторвался от стены и направился ко мне. Мне стало жутко неловко за вчерашний день, ведь я практически ничего не помнила.

— Ну пойдём почитаем, — улыбаясь, предложил он.

Я перевела на него смущённый взгляд и, резко обернулась в сторону двери:

— Звучит двусмысленно. Я озорно улыбнулась в ответ. Пойдём!

И переступила порог библиотеки.

Тяжелая дверь библиотеки закрылась за моей спиной с глухим стуком, отрезая нас от остального мира. Руслан не

спешил. Он прошёл вглубь комнаты, вальяжно опустился в глубокое кресло и закинул ногу на ногу, наблюдая за мной с ленивым интересом хищника, уверенного в своей добыче.

Я сделала вид, что его присутствие меня не волнует. Пройдя к первому стеллажу, я начала водить пальцем по корешкам книг, пытаюсь найти хоть какой-то смысл в названиях, лишь бы не смотреть на него.

— Так и будешь молчать? — его голос прозвучал низко, с нотками вызова.

— А я что? Я должна говорить? — парировала я, не оборачиваясь.

— Как тебе вчерашний день? — спросил он, и я уловила улыбку в его тоне.

— Мне понравилось, — ответила я растерянно, сама удивляясь своей честности.

— А я ведь ничего не помню, подумала про себя.

Он встал с кресла и направился в мою сторону. Я резко развернулась. Он уже стоял рядом, слишком близко, нарушая все границы личного пространства.

— Ты что, ничего не помнишь? — с довольной улыбкой протянул он.

— Да, да, я ничего не помню. Доволен? — он усмехнулся, и эта усмешка была опасной.

Он сделал ещё один шаг, оказавшись вплотную. Его рука скользнула куда-то мне за спину, к полке, и он наклонился так близко, что его горячее дыхание коснулось моего уха.

— Сыграем? — прошептал он и протянул мне шахматную доску.

Я уставилась на него во все глаза.

— Давай так: выигрываешь ты — я тебе рассказываю весь вчерашний вечер, — он интригующе улыбнулся. — Выигрываю я... С тебя желание.

Я закатила глаза: «Детские игры». Но азарт уже зажегся в крови.

— Почему бы и нет. Я отлично играю в шахматы.

Мы сели за стол друг напротив друга. Партия была напряженной. Я была уверена в своей победе, но он оказался хитрее и расчетливее.

— Шах и мат, — победно произнес Руслан.

— Да, нет... — протянула я, вставая из-за стола. Напряжение требовало выхода.

Я направилась к бару, чтобы выпить воды и скрыть досаду.

Руслан проследил за каждым моим движением взглядом.

— Это была нечестная игра! Сказала я надув губы.

— Всё честно. Просто кто-то не умеет играть, — издевательски заметил он.

Я сделала глоток ледяной воды. Пара капель сорвалась с губ и покатилась вниз по шее, прямоком в ложбинку декольте. Руслан проследил за этим движением жадным взглядом, сглотнул и медленно поднял глаза обратно к моему лицу.

— С тебя желание, — протянул он с той же издевкой. —

Но так уж и быть, чтоб ты не расстраивалась... я освежу тебе немного память о вчерашнем дне.

Он поднялся и направился ко мне. Настойчиво. Очень настойчиво.

Я инстинктивно отступила назад, пока не уперлась спиной в холодную поверхность барной стойки. Пути к отступлению не осталось.

— Что ты делаешь? — голос прозвучал уже не так уверенно.

— Освежаю тебе память, — ответил он хрипло, поставив обе руки на стойку по бокам от меня, заключая в клетку своего тела.

Я смотрела то на его руки, то в его глаза, которые потемнели от желания.

— Знаешь... Я передумала. Ну подумаешь, забыла часть дня. Думаю, это не критично...

Он взял мой подбородок пальцами, заставляя смотреть прямо ему в глаза.

— А вчера ты была посмелее, — прошептал он в самые губы и впился в них жадным поцелуем.

Его руки переместились на мою талию, прижимая к себе. Я поддалась его страсти, утопая в его объятиях. Мы целовались до тех пор, пока воздух в легких не закончился окончательно. Он легко поднял меня и усадил на барную стойку, всё так же хищно улыбаясь и тяжело дыша.

Пока я пыталась перевести дыхание и осознать произо-

шедшее, он спросил:

— Ну что? Вспомнила?

Я провела пальцами по припухшим губам и выпучила глаза:

— Это что... это у нас не в первый раз? Это вчера... Мы целовались?

— Угу, — кивнул он, не сводя с меня взгляда. Даже сидя на стойке, я была на уровне его глаз.

Я закрыла лицо руками, сгорая от стыда и смущения. Он рассмеялся — искренне и тепло от этого милого жеста.

— Так мило смущаешься...

Я убрала руки и посмотрела на него с внезапной решимостью:

— Я была пьяна! Прошу меня простить! Это ничего ещё не значит! — тараторила я, размахивая руками для убедительности. — И необязательно было мне наглядно показывать... можно было просто сказать!

Я надула губки в детской обиде. Он лишь ухмыльнулся и, пока я продолжала возмущаться, притянул меня за ноги к себе так резко, что я уперлась всем корпусом в его твердое тело. Стало невыносимо жарко.

Он снова поцеловал меня, заставляя замолчать.

Отстранившись он сказал:

— Не злись, малышка. Тебе же нравится, — улыбнулся он и направился к выходу из библиотеки.

— Спокойной ночи, малышка Лизи...

Я осталась сидеть на барной стойке с набухшими губами и пылающими щеками в полном замешательстве. Моё сердце колотилось так сильно, что я думала — оно сейчас просто вылетит из груди. Наконец собравшись с мыслями, я направилась в свою комнату с полным переизбытком чувств и легла спать.

Глава 3

Больница

**Не кулаки доказывают правоту, а ясный ум.
Кто думает, а не лезет на рожон, тот всегда на шаг
впереди.**

Екатерина К

Лизи

Знаете, я уже второй месяц живу в новой семье и могу сказать, что я готова называть их семьёй. Мой день рождения прошёл тихо: я вовсе не захотела его праздновать. Ровно в полночь бабушка Маша пришла с тортом — собственноручно испечённым, с одной-единственной свечой, пламя которой трепетно дрожало, отбрасывая мягкие блики на её доброе лицо. С папой у нас начали складываться отношения: я стала отпускать старые обиды, но тяжесть на душе всё ещё присутствовала. За то, что мои прошлые родители просто отказались от меня, даже не пытаясь со мной связаться, получалось, что всё это время я для них была как груз, от которого они с лёгкостью избавились. Ну, не будем о грустном. Он подарил мне золотой браслет — тонкий, с едва заметным узором, будто в нём спрятана целая история. О более приятном. Руслан стал уделять мне всё больше внимания, что не могло не казаться странным, но мне очень нравилось. С Робертом у нас наладились дружеские отношения, но он так и не перестал называть

меня этим ужасным прозвищем — «язвочка». В университете начались выходные, чему я была очень рада. Никите я написала СМС о расставании: я больше не могла терпеть эти унижения и перестала брать от него трубки, заблокировав его везде. Ксюша начала встречаться с Эриком.

Ксюша- подумала я

Перестала записывать произошедшее со мной в свой дневник.

Я постукивала ручкой по столу. Она настолько утонула в своей любви, что мы месяц уже не виделись. Я откатилась на кресле и пошла искать телефон.

Выйдя из кабинета, я прошла в комнату, улыбнулась, направившись к букету цветов на моей тумбе. Я вздохнула аромат цветов. Их мне подарил Руслан через курьера. Сегодня в пять в библиотеке, — прочитала я записку. — Почитаем? И смайлик демонёнка.

Я рассмеялась и направилась за своим телефоном. Нашла нужный контакт и набрала:

— Алло, — послышалось на той стороне трубки.

— Привет, голубка, — сказала я. — Может, сходим погулять? А то ты витаешь там во влюблённых облаках, пора вздохнуть свежего воздуха.

Ксюша, смущаясь, сказала:

— Конечно, Лиз! Можем сегодня в час в парке, а потом зайти в какую-нибудь кафешку пообедать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.